

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юрий

С ЮРИЕМ ГАГАРИНЫМ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 2. С Юрием Гагариным**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 2. С Юрием Гагариным / В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-851-8

Во второй том собрания сочинений старейшего журналиста «Комсомольской правды» В. М. Пескова вошли его статьи не только о природе, но и о начале покорения космоса. Он стал одним из первых журналистов, кто рассказал своим читателям о Юрии Гагарине, Германе Титове, Валентине Терешковой и других космонавтах первого набора.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-851-8

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1959	8
В лесу, у станции Тригуляй...	8
Солдатский гостинец	11
За эти шесть лет...	13
Семья принимает экзамен	16
Счастье первой тропы	18
1960	23
Трое прилетели в Невон...	25
Святые минуты	27
Судьба лейтенанта	29
Встречайте!	32
«По городу ходил медведь...»	34
Рассказ о красном камне	36
Снегири	40
Приокское волокно	43
Зимние квартиранты	45
Баллада о топоре	47
Идут люди к Ленину	53
Два портрета	55
Под красным парусом	55
Самый большой подарок	57
Вот какой у Ленки сосед...	59
Лесная сказка	61
Вьетнам – страна молодости	63
Севастопольский вальс	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 2. С Юрием Гагариным. 1959–1962

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мелькали звезды на черном небе, голубела Земля. На ней кремлевская башня считала минуты, на ней Волга и тихие ручьи с березами ожидали его возвращения».

В. Песков

Предисловие

В начале шестидесятых годов прошлого уже XX века Василий Михайлович Песков попал в число корреспондентов уникальных. Здесь дело даже не в том, как он делал свои репортажи, а в том, откуда ему выпало их делать.

Сейчас только старшее поколение знает, например, что такое «допуск». Это такое разрешение, которое органы госбезопасности давали журналистам для работы по определенным секретным темам. Перед этим проверяли родных и близких до седьмого колена, требовали массу характеристик и рекомендаций с работы.

А уж в этом случае – проверяли трижды.

Дело в том, что Песков был одним из первых журналистов, допущенных к только зарождавшейся тогда космонавтике и космической теме вообще!

Он писал о первых спутниках, знал лично всех из первого отряда космонавтов, начиная с Юрия Гагарина, дружил с ними, бывал у них дома.

Таких журналистов было меньше, чем пальцев на одной руке. Ну еще газета «Правда», ну ТАСС...

Вы прочтете здесь его репортажи тех лет, а также увидите фотографии космонавтов из архива Василия Михайловича, которые раньше не публиковались. Даже на обложке фото уникальное: подарок Юрия Гагарина Пескову. Обратите внимание, первый космонавт Земли расписался на ней, его четкий автограф виден на шлеме.

Первые статьи о космонавтах Василий Михайлович писал с удовольствием, вы это заметите. А потом вдруг стал отходить от космической темы.

Однажды я спросил его об этом – почему?

Песков засмеялся и ответил просто и понятно, так же, как писал свои заметки:

– Понимаешь, как-то стал я от этого уставать, понял, что не мое. И еще: мне же допуск давали, то есть за границу могли запретить выезжать несколько лет! Ну я стал потихоньку отползать...

Тему космоса у него подхватили Ярослав Голованов (он написал великолепную книгу о главном конструкторе космических кораблей Сергее Королеве) и Андрей Тарасов.

А Песков?

А Песков занялся природой. Похоже, он еще тогда знал, что главной рубрикой в его журналистской жизни станет «Окно в природу», которое сам он «прорубил» для миллионов читателей «Комсомольской правды». И уже в 1961 году – вы это прочтете в новом томе – поехал Василий Михайлович в свои первые большие путешествия – во Вьетнам и по Африке.

Едем с ним?

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1959

В лесу, у станции Тригуляй...

Четыре часа утра. Весь мир спит за морозными стеклами. А этим не спится. В руках ржавые пики, разнокалиберные ружья и котомки за плечами. Стоптанные валенки, усы, простуженные голоса. Возраст – от пионера до бородачей. В одном можно не ошибиться – добровольцы. Сидят на вокзале, ожидая поезда. Курят, тихо переговариваются.

У тех, кто вооружен пиками, разговор о клеве, о щуке, которую едва вытащил в прошлом году какой-то полковник. Пробуют на вес пики, хвастаются прошлогодним уловом, припоминают окуневые места на Цне.

Те, что с ружьями, держатся солиднее. У некоторых собаки. Это «борзятники». Едут тропить зайцев. Разговор у них пока не очень веселый: «Поубавился заяц». Ругают ядовитые удобрения шkodливых енотов, какую-то породу полуборзых собак, расплодившуюся в деревнях: «На домовых харчах не живут, зайцами только питаются. Ножищи-то длинные, кого угодно догонят...»

Наша группа среди ружейников держится особняком. Сегодня, если попадется нам заяц или даже лиса, стрелять не будем. В сумках у нас патроны, заряженные не дробью, а пулями...

Петухом кричит маленький паровозик. Покидаем прокуренный тамбовский вокзал и расплзаемся по вагонам. «Подледники» выйдут на полустанке возле моста, «борзятники» высалят собак часом позже, а мы поедem до лесной станции с веселым названием: Тригуляй.

За окном темень. У фонаря на лесной остановке кружится рой снежинок.

* * *

Особая тонкая тишина стоит в лесу после первого снега. Только дятел не боится разбудить сонное лесное царство. За версту слышна песня из его «кузницы». А это что за звуки? Очень тихая и невнятная песня. На согнувшейся под инеем рябине стайка снегирей (знают, где спрятаны лесные гостинцы!). Спелыми яблоками висят снегири на белых ветках. Кажется, посланы эти птицы, чтобы нарядить лес, кажется, сама заря не пожалела красок для этих спутников зимы и снега.

Скрипит морозная пороша под ногами, с веток за ворот сыплется колючий иней. Возле березняка наш «старшой» Владимир Сергеевич Бизюкин подал бинокль:

– Угадываешь?

В запотевших стеклах мелькнули белые кружева берез и угольно-черные пятна.

– Косачи!

Да, больше десятка тетеревов встречали на придорожной березе солнце. До снега они паслись на земле. Теперь и пасутся, и ночуют на березах. Подойти к ним на выстрел очень трудно. Обязательно заметит старый вожак, занявший самую вершину. Была бы санная упряжка – можно ехать в открытую. Лошадей косачи не боятся.

Чтобы не пугать птиц, повернули на боковую дорожку. Тетеревиная стая держится в двух-трех излюбленных местах леса. Когда навалит глубокий снег, косачи прямо с берез будут нырять в него на ночлег. Охотники еще вернутся к этим березам...

Идем уже больше двух часов. Снег неглубок. За нашей шеренгой остается темная тропинка из сухих листьев. Даже лисица, перебежавшая дорогу, достала лапами до земли. По-прежнему тихо. Только дятел стряхивает иней с елочки.

В домике лесника пьем чай и обсуждаем план охоты. Встретивший нас егеря внимательно проверяет наши бумаги.

Охотиться на лосей можно только по специальному разрешению. Лет тридцать назад в лесах средней России лоси перевелись почти полностью. В Подмосковье егери их пересчитали по пальцам – 60 голов. Теперь под строгой охраной лосиное стадо возобновилось. Недавно снова пересчитали лесных красавцев – 12 тысяч. В одном только Подмосковье 12 тысяч! Много лосей развелось в Калининской, Ярославской, Рязанской, Тамбовской областях. Настолько много, что лесники подняли шум: «Губят лес!» Справедливый сигнал. Пришло время регулировать лосиное стадо.

Егеря раскладывает лесную карту, отыскивает на ней низину, поросшую осинником, и обводит ногтем квадрат:

– Тут надо искать.

* * *

Если бы можно было спросить зверей, какое дерево самое ценное, бобр, заяц или лось ответили бы в один голос: осина. Осина-кормилица спасает зверей от зимней голодухи. Бобр с осени запасает осиновые поленья, в осиннике кормятся зайцы-беляки. Для лоса горькая осиновая кора – главное зимнее блюдо.

– Тут наверняка есть, – говорит Владимир Сергеевич, разглядывая погрызы на зеленых стволах.

Местами погрызы уже заросли. Осины стоят словно в заплатках – лосиная работа пятилетней давности. А вот нынешнего года погрыз, а это совсем свежий. Ищем следы на снегу. Ночная пороша стусевала снежные письма. Зато уж если найдем след – наверняка свежий.

– Целых три! – егеря делает знак рукой и показывает три пальца. Прошли глава семьи – рога, самка и годовалый теленок. Прошли совсем недавно. Вот они шли спокойно, вот метнулись в чащу, услышали нас.

Охотники загоняют в стволы патроны, я достаю фотоаппарат. Владимир Сергеевич ставит всех на «номера» вдоль просеки, а сам, щелкнув курками, идет по следу...

Стоим полчаса. По крику сойки догадываемся – перехитрил нас рога. И от «старшего» ушел, и на «номера» не вышел. Слышался звук рожка. Это уговор собираться.

Потом повторяется все сначала. Один – по следу, остальные шестеро – на «номерах».

Видели лисицу, ошалелого, не залегшего на зиму енота видели, а рога опять увел семью невредимой. Теперь выслеживать лосей бесполезно. Шарахаются от малейшего звука. Ищем новый след. Это не такое уж простое дело. Только к вечеру у болотной лужи разглядели полынью и свежий наброд. Лось пил, проломив копытами тонкий лед. Рядом виднелись еще два следа. Может, прежние наши знакомые, а может, другая семья запивала обед водою. На этот раз прошусь со «старшим» по следу.

У Владимира Сергеевича отличное трехствольное ружье и опыт бывалого следопыта. Он не идет по следу. Он чутьем угадывает, куда могли повернуть звери, и идет напрямик. Я иду сзади. От неумелой ходьбы хрустят ветки под ногами. Сергеич то и дело оборачивается, делает злое лицо и грозит кулаком. Стараюсь идти на цыпочках. Наконец «старшой» замирает у елки. По его позе догадываюсь: увидел!

От частого осинника рябит в глазах. Все-таки различаю три темные фигуры. У самца седая шерсть на шее, могучие рога. Он уже почуял недоброе, вытянул шею, прислушивается. Но он не знает, откуда опасность, он еще не видит нас. Как хочется сфотографировать,

но далеко и слишком част осинник. Мой «выстрел» не достанет. Зато Сергеич осторожно присел на колено. Видно, как он снял колпачок с оптического прицела, протер очки...

– Он только что здесь прошел...

Лосиха с теленком метнулись и, ломая кусты, понеслись в глубь зарослей, а рогач не побежал. Секунду он стоял, повернув к нам голову, потом сделал угрожающий шаг в сторону обидчиков... «Промахнулись», – мелькнула радостная мысль. Но нет, хорошее ружье у Сергеича и глаз верный. Рогач судорожно рванулся в нашу сторону и упал.

Сложные чувства испытывает у поверженной лесной добычи. Все, что было до выстрела, было красиво, захватывало, будоражило. Теперь же я с сожалением глядел на лося. Как красив был он три минуты назад!.. Я поделился этой мыслью с Сергеичем.

– И у меня так же, – сказал он, разряжая ружье, – всю жизнь так. Но охота есть охота. Страсть как люблю охоту.

Фото автора. Тамбовская область. 3 декабря 1959 г.

Солдатский гостинец

– Дядя Женя! Дядя Женя приехал!

Ребятишки воробьями сыпались с лестницы и повисали на крепких плечах солдата. Не утихая, воробьиная стая покатила в дом и увлекла за собой солдата.

Гостинец у солдата скромный. Кулек с конфетами опустошился мигом.

– Дядя Женя, теперь с нами обедать! Раздевайтесь!

Кто-то, подтягиваясь на носках, вешает тяжелую солдатскую шинель, кто-то примеряет шапку...

Я вспомнил свое детство. Вспомнил, как возвращался с работы отец и мы с братьями так же вот повисали у него на плечах, лезли в железный помятый сундучок за гостинцами, примеряли пахнущую мазутом шапку. У этих же ребятишек нет отцов и матерей нет. Они растут в детском доме. Я не услышал тут ни одной жалобы, ни одного печального лица не увидел. Хорошо живут ребятишки – крепкая одежда, хороший стол, школа рядом.

– Дяде Жене – три компота! Чур три! Чур три! – ребятишки, дружно хлопая в ладоши, заставляют солдата опорожнить стаканы.

Хорошо живут ребятишки. Недостает им, пожалуй, только... Я опять вспомнил отца, вспомнил его ласковую шершавую руку. Он проводил рукой по нашим вихрам и спрашивал всегда одно и то же: «Ну, чем хвастаться будете?»

– Ну, хвалитесь, – услышал я от солдата. Он потрепал рукой чью-то русую голову, кого-то посадил на колени...

Много у солдата ласки. Много хороших слов сбереглось за долгую службу. Кому сказать их? Вот и приходит солдат, Евгений Воробьев, в этот чистый домик, где прямо у калитки попадешь в ребячий плен.

– Наши ребята шефствуют над детским домом, – сказал командир и сам же поправился, – слово «шефствуют», пожалуй, даже не подходит. Казенное все-таки слово, без тепла. А наши ребята тепло как раз и приносят...

Очень нужно человеческое тепло в доме, где дети не знают матери и отца. Солдаты научили ребятишек песням, научили держать в руках гармошку, научили мастерить, выстукивать каблуками пляски. Хорошо! Но не в этом главное, главное в том, что...

– Витя, води себя хорошо, а то придется дяде Жене... – сказала при мне воспитательница расшалившемуся мальчишке.

Так же вот говорят матери: «Ты смотри мне, а то отцу скажу».

Каждую субботу и воскресенье приезжают солдаты в дом с голубой калиткой. Тогда особенно ярко горят окна, особенно звонко стучат каблуки. И чисто мужские разговоры случаются при этих встречах:

– Ты что же, без пуговиц ходишь?.. Сам, только сам пришей...

– Тройка?! Да ты знаешь, если б я на три на ученьях стрелял, меня бы к вам и на час не пустили...

– Тройка?! Да если б я на тройку на ученьях стрелял, меня б и на час к вам не пустили...

Большое отцовское сердце, отцовскую требовательность и ласку приносят солдаты в дом с голубой калиткой.

– У нас не один только Евгений отдает «увольнительный» день ребятишкам. Может, и других назовете? – сказал командир на прощание.

Делаю это с удовольствием. Евгений Воробьев, Юрий Мерзляков, Виктор Егоркин, Евгений Волков, десять других солдат Н-ского подразделения попали в хороший, почетный плен к ребятишкам.

Фото автора. Кирсанов Тамбовской области. 5 декабря 1959 г.

За эти шесть лет...

Полночь... Гаснут огни в маленьком городке. Только от нашего окошка стелется поперек улицы свет.

– Вот ключи, вот печать, вот книжка с адресами...

Нас трое в маленькой комнате. Только что отшумела конференция. Только что выбрали нового секретаря. Мы трое, не сговариваясь, остались в маленькой комнате. Бывший секретарь Валерий Надеждин кидает в печку сосновые поленья. Они горят с шумом и треском. На колени из открытой дверцы прыгают искры, комната наполняется теплой музыкой.

– Вот так же шесть лет назад в первую командировку я сидел у печки. – Валерий поймал, попестал в руках уголек. – Вот такой же мороз был. Ночевал в сельсовете. Всю ночь пекли со стариком сторожем картошку. Всю ночь я глядел на огонь и думал. В село я приехал на комсомольское собрание. Прочел там лекцию – о культурно-массовой работе, кажется... «Вопросы будут?» – спросил председатель. Все долго молчали, потом поднялся парень. Подышал на руки: «А как насчет трудодня в этом году, неужели опять палец сосать?.. Надо бы тебя, секретарь, на ночлег пригласить, а я не приглашу. Не приглашу потому, что нечем угостить».

На парня зашикали. Он огрызнулся: «А чего мне стесняться? Запиши фамилию, секретарь, если хочешь: Худяков. Комсомолец. Рядовой колхозник. А на вопрос все же ответь...»

Я не мог ответить.

Ночевать парень все-таки позвал, но я отказался. Всю ночь пек картошку в сельсоветской печке и думал, как работать буду, сколько таких вот трудных вопросов встанет... Это было в пятьдесят третьем. Еще до сентябрьского Пленума.

Валерий подкидывает в печку поленья, барабанит пальцами по певучей жестяной дверке.

– На конференции видели парня с чубом?.. Да, тот, что райком честил... Это и есть Анатолий Худяков. Друзьями стали. Хороший парень! Недавно в партию принимали. Позвонил: «Приезжай на собрание». Выходим из правления вечером, взял за пуговицу: «Ну, уж теперь, секретарь, не отпущу – ко мне ночевать».

Новый дом построил Анатолий Худяков. В доме – дай бог каждому так жить. «На свадьбу, – говорит, – полтора человека позову...» Много новых домов построено в Хмелинке. Много свадеб сыграно за шесть лет.

О Худякове я рассказал, как о старом знакомом. Коммунист, рядовой колхозник. Впрочем, теперь, кажется, нет. У них там новая ферма построена – его заведовать ставят...

* * *

Березки под окнами поднялись до крыши. Шесть лет глядят березки в райкомовские окна. «Память о себе оставить хочешь, секретарь?» – спросил дед, живший рядом с райкомом. «Хочу», – ответил Валерий. Все райкомовцы посадили в ту осень по березке. Сторожиха тетя Варя – и та посадила. Соседский дед поглядел и тоже взялся за лопату. Это было первое «мероприятие» нового секретаря...

– Пора отпускать, хоть и жалко – настоящий секретарь! – сказали мне в обкоме.

– Надеждин? Валерка?! Деловой человек, – сказал председатель колхоза Павел Фокин.

– Душа парень! Забирают?! Конечно, такие люди везде нужны, – сказала учительница Мария Степановна.

– Валерий Серафимыч?.. Сына бы такого... – сказала мне райкомовская сторожиха тетя Варя.

Хорошим секретарем был Валерий Надеждин. Начинал парнем. Сейчас легкая морщина наметилась на крутом лбу.

Для новых дел вырос человек. Не первого и не последнего такого с почестями провожает комсомол. Не на пенсию провожает. Полных сил, опытных, крепких работников принимает у комсомола партия. На Рязанщине и под Воронежем из комсомольских секретарей хорошие председатели колхозов вышли. Прямо из райкома в хозяйство, в большое хозяйство. Работают. И хорошо работают, потому что росли вместе с жизнью, потому что у партии под присмотром были. Научились хозяйствовать, драться за дело научились, научились слушать и понимать людей.

Новый секретарь принимает у Валерия эстафету. Трудную должность принимает. За что любят в районе Валерия? За то, что нет человека, которого он обидел бы понапрасну. За то, что, разговаривая с людьми, сердцем умеет он слушать. В колхозе «Память Ленина» мне рассказали, как в весеннюю пахоту подъехал секретарь к трактору, стоявшему в борозде. Поломка... На своем потрепанном «Москвиче» двинулся добывать запасные части. Сломался «Москвич». Пошел пешком, в мешке принес части... Случилось, приехал собрание проводить – и всю ночь грузил с ребятами силос. До кровавых мозолей работали. Не состоялось собрание по обычной форме. Но все вопросы решили в пять минут у колонки, где отмывались после трудной ночи.

Есть у Валерия толстая тетрадка с названием «Что делалось и что удалось сделать». Шесть лет поздними вечерами делал в ней пометки секретарь. Любопытные факты! Любопытные цифры! Вот, например: «1953 год. Во всем районе на фермах работают 17 комсомольцев... Рекорд у лучшей доярки – 700 литров...»

С этого начинали шесть лет назад не только в Кирсановском районе и не только на Тамбовщине. А вот свежая запись в секретарской тетрадке: «1959 год. Ноябрь. Вчера подсчитал комсомольцев в животноводстве: 520 человек!.. Лучший надой – 3800 литров... Построено двести свинарников и коровников. В тринадцать колхозов пришло электричество... Полторы тысячи новых домов построено»... «В этом году яиц три миллиона штук сдано»... «В шесть раз больше стали в районе производить мяса», «Молока – в два раза больше...».

Красная тетрадка вместе с ключами и печатями передана новому секретарю Николаю Бобровскому. Поучительная летопись. Если внимательно читать цифры и скупые заметки, можно узнать, как воевали кирсановские комсомольцы за эти цифры. Если внимательно читать, можно узнать, что не было хороших дорог между кирсановскими селами – комсомольцы построили. Комсомольцы воевали за кукурузные квадраты, уезжали поднимать целину, сажали сады и строили лыжный трамплин, собирали удобрения и помогали товарищам строить дома...

Прочтет кое-кто эту сухую «цифирь» и скажет: скучно жили комсомольцы – «хлеб, молоко, мясо, удобрения...» Да, работа была тяжелая. Тяжелая, но благодарная. Все мы в городах и деревнях пожинаем сейчас плоды этих больших усилий. Люди у нас никогда не падали духом. Сейчас же у нас есть все основания быть веселыми. Не с сумрачными лицами боролись мы за это веселье. Мы умели шутить, умели смеяться и петь. Мы спорили о модах и правилах хорошего тона, мы учились музыке, не забывали о праздниках и справляли свадьбы. И сам кирсановский секретарь не раз отплясывал в веселом кругу друзей где-нибудь после молотбы или на зимней вечеринке. Об этом тоже рассказывает тетрадка с короткими заметками, цифрами и фактами.

* * *

– Тебе легче будет, – сказал Валерий своему преемнику. И поправился: – Впрочем, может, только кажется, что легче!»

Наша дорога – это лестница вверх. С какой бы ступеньки ни начал – вверх, только вверх дорога. Не умеешь подниматься – учись. Люди и партия поддержат, поправят. Только умей слушать.

Валерий начинал с борьбы за хлеб насущный. Теперь новые слова появятся у сельского секретаря, если он решил вести летопись дел. «Гербициды», «воздушная прополка», «полная механизация», «перегнать Америку», «как должно выглядеть село»... Новой мерой мерится сейчас деревенская жизнь. Завидное наследство получает Николай Бобровский!

...До утра просидели мы у жаркой райкомовской печки. Незаметно потухли звезды. Из синего окошко стало розовым – всходило солнце. От березок на дорогу ложились прозрачные тени.

– Ага, вот и первый посетитель в райком!

– Я из колхоза Ленина, – девушка нерешительно остановилась, развязала белый от инея платок. – Пешком к вам. Мне секретаря... Да, важное дело.

Мы все трое глянули друг на друга. Улыбнулись. Николай распахнул широкую райкомовскую дверь, а мы с Валерием пошли вдоль морозной улицы, где по свежему снегу девичьи валенки проложили первый утренний след.

Кирсанов Тамбовской области. 15 декабря 1959 г.

Семья принимает экзамен

Старшему – пятьдесят четыре, младшему – тринадцать. Фамилия у всех одна – Злобины. И профессия одна – трактористы. Это одна семья, семья Злобиных из колхоза имени Ленина на Тамбовщине. У этих пятерых сегодня очень приятный день. Младший из Злобиных, Ленька, держит семейный экзамен... Впрочем, комментарии к этому снимку следует начать издалека.

Помните, был такой трактор – тощий, поджарый, «фордзон» назывался? Конечно, не помните. Наше поколение еще в люльках качалось, когда появился этот трактор. Да и страна наша была тогда совсем молодая. Только-только бралась хозяйствовать. Своих тракторов не было. Америка их нам продала. Почему не продать, если страна, хоть и разоренная, а золотом за «фордзоны» платит?!

Мы не знаем этого трактора, а Михаил Иванович Злобин помнит об этой слабенькой по сравнению с нынешними нашими богатырями машине. Почему? А вот послушайте, что рассказывает сам Михаил Иванович.

– Весь трактор я протер чистой тряпицей, сам надел чистую рубаху... Синие кольца летели кверху от мотора... Молодые рты раскрывали, старухи крестились, ребятишки бежали впереди и шумели: «Трактор, трактор!» Знаете басню: «...слона водили, как будто напоказ»? Так и я «фордзон» водил по деревне. Это был первый трактор, а я вроде первый тракторист.

Разговор этот происходил возле колхозной мастерской. Все, кто был при разговоре, повернули головы к навесу, где стояли «Беларуси», «Владимирцы», разные «КДП», «ДТ»... Тракторы большие и маленькие, на резиновых колесах и на гусеницах, ярко-красные и синеватые, старые и только что полученные.

С «фордзона» начали свою биографию Злобины. Отец любил свое дело. Придет с поля – только зубы да глаза видны – и прямо к люльке.

– Где он тут, разбойник? – пальцем нажмет на Колькин нос... – Ничего, ничего, сейчас отмою, – улыбнется матери. – Трактористом будешь, Колька? – и сам же отвечал: – Будет трактористом Колька!

Трактористом и стал первый сын Злобиных. Учился у отца, а подошли годы – сдал экзамен. Вот он, крайний слева на снимке – Николай Злобин. На Тамбовщине его сразу узнают, потому что портрет его был в газете, потому что он все марки тракторов освоил, потому что он считается «снайпером по квадратам» – никто на Тамбовщине лучше него не может сеять и убирать кукурузу.

Второго сына зовут Михаилом. На пять лет моложе первого. Начал прицепщиком у Николая. А теперь... Портрета в газетах пока еще не было, но Николай признался: «Наступает на пятки брат». Грамотный, задорный. Только что из армии вернулся – сразу на трактор. Вы его узнали, конечно, – второй справа на снимке.

Случаются споры у Злобиных. Техника что ни год – новая. Вот и сравнивают машины. Одним хвала, другим приговор. Бывает, расходятся мнения у отца и братьев. Третий сын – Владимир при этих спорах помалкивает. Сидит обычно в сторонке, щелкает семечки и мотает на ус. Впрочем, усов у него еще нет. Ему всего семнадцать. Экзамен на тракториста он уже сдал, но работает прицепщиком. Такой порядок в семье: годик-другой сзади трактора, а потом уже за руль. На этом снимке Владимир второй слева. Поглядите, как рад он за младшего брата, за Леньку...

Теперь вернемся к началу разговора. Да, сегодня у Злобиных хороший день! Шестиклассник Ленька делает первый выезд.

После этих испытаний Ленька не получит удостоверения – это семейный экзамен. Но, может быть, это один из самых важных экзаменов в Ленькиной жизни.

Ленька счастливее своего отца. Сколько лет отделяют его от отцовского «фордзона»?! Если по годам считать – не так уж много. И очень много, если считать по делам, по пути, который прошли Ленькины отец и братья. Ленька счастливее отца, потому что отцу не у кого было учиться. Он смекалкой определял, «какую гайку на какой болт надо ставить», а Ленька учился в десятилетке. Вечером, после встречи со Злобиными, я пошел к директору школы.

– Да, в девятом и десятом классах у нас машиноведение. Из школы будем выпускать специалистов... Сегодня как раз уточняли с председателем, какие люди нужны. Договорились: чтобы трактор умел водить, доильный аппарат умел бы наладить и на комбайне чтобы хозяином был, и автомобиль... Таких людей будем готовить...

– Уже и теперь полевые работы механизированы у нас на девяносто пять процентов, – сказал председатель колхоза Павел Николаевич Фокин... – Я не оговорился – на 95! Злобины и пахут, и сеют, и пропалывают, и косят, и молотят. Все машинами. Теперь на колхозном дворе нужна такая механизация. Вот как нужна! – председатель провел пальцем у подбородка.

И у Злобиных я тоже видел этот жест: «вот как надо!» Поэтому с такой радостью и надеждой глядит семья механизаторов на своего младшего, на Леньку, который сегодня первый раз запустил мотор.

Фото автора. Кирсановский район Тамбовской области. 26 декабря 1959 г.

Счастье первой тропы

Мы шли по тайге. Снег был глубок, но шли мы по следу, и лыжи не проваливались. Мой спутник тунгус затянул песню. «Что за песня?» – спросил я. «Моя песня, – смущенно улыбнулся Кирилл, – про него сочиняй, – указал он на след, – он нам дорогу показывай, он нам легким путь делай». Километров тридцать шли мы окруженные молчаливым лесом, только глубокий след змеился перед глазами. Кирилл без устали мурлыкал свою нехитрую песню о человеке, который прошел впереди нас, которому было трудно, который оставил глубокий след в тайге... «Значит, хорошая песня, если записываешь?» – сказал Кирилл, когда мы дошли наконец до зимовья...

Это было в тот год, когда только-только заговорили о стройке у Падуна. Четыре дня назад я снова встретил Кирилла Трахино. Он сидел у руля огромного самосвала. Я сразу узнал скуластое веселое лицо.

– Давно в Братске?

– По первому следу, – улыбнулся Кирилл, видимо, вспомнив давний наш разговор.

Он теперь отлично говорил по-русски. Машину с камнем он лихо рванул на гору и не удержался, высунул голову из кабины: смотри, мол, это я, тот самый тунгус, что белок стрелял...

Я стоял у камней, исписанных фамилиями и датами. Большая стройка жила тысячью звуков. Звенело железо, за бугром ухали взрывы, натужно рычали самосвалы на дороге. «Вира помалу!» – вплетался в общий гул чей-то тоненький голос. Невидимая за туманом, шумела вода в бетонных коридорах. «Мы были тут первыми», – прочел я уже поблекшую надпись на камне. Сразу вспомнился первый снимок из Братска: замерзшая, шершавая от вздыбленной шуги Ангара, каменный утес и под ним крошечные фигурки людей. В тот год кто-то и оставил эту гордую надпись на камне: «Мы были тут первыми».

Все было первым у этих камней, поседевших от времени, ветров и морозов. Первые следы, первый костер, первая палатка, первый удар молотка, первый камень, брошенный в воду. Слово «первый» и теперь не устарело. Впервые в мире инженеры рискнули перекрывать реку со льда. Впервые приспособили бетон к жестоким морозам. Впервые экскаваторщик Борис Верещагин с ловкостью акробата разбирал каменные уступы Пурсея – начал сверху и спустился к самой воде. Впервые на земле гидростроители сделали такой большой шаг на север. «О'кэй! – сказал недавно немолодой уже американский ученый, осматривая стройку. – Вы делаете чудо! Вы идете первыми! Весь мир гидростроителей должен у вас учиться... Грандиозно! Ошеломляюще!»

Один снимок из Братска, другой сделан в тот же день в Усть-Илимске. Гигантская плотина и первый след! На наших глазах следы разведчиков превратятся в плотину такую же мощную, как Братская. Многие из нас будут участниками славного превращения. Хорошие следы на земле оставляют советские люди!

Американец не преувеличивал. Грандиозно! Ошеломляюще! Нельзя передать словами все, что видят глаза, когда стоишь у реки. Вот снимок. Он сделан три дня назад с крутого берега Ангары. Как много может сделать человек за четыре года! Но снимок этот все-таки не передает всего, что сделано у Падуна. Это только плотина. На снимке не видны новый город на берегу, заводы в тайге, мачты электролиний, ставшие рядом с медвежьими берлогами. Промышленная столица Сибири вырастает на Ангаре.

Как все ЭТО начинается, мы можем проследить и сейчас, если спустимся ниже по Ангаре, туда, где в таежной глуши встречается с красавицей рекой быстрый Илим. Всем уже известно, что это место на карте энергетики давно отметили черточкой – тут будет Усть-Илимская ГЭС, гидростанция, по силе равная Братской.

«Что там сейчас?» Этот вопрос задают все, кто заходит в кабинет начальника ангарской экспедиции Леонтия Ефремовича Медведева. Выслушав меня, он долго шуршал картами, потом сказал:

– Завтра лечу туда. Хотите со мной – одевайтесь теплее, и утром к самолету...

Под самолетом ни дорог, ни следов, только лес и сопки. В Братске я уже знал, что к месту будущей стройки сделаны первые шаги. Без дорог, без проводников таежной целиной прошли связисты. Сейчас в тайге другая группа смельчаков. Двенадцать комсомольцев братской экспедиции ушли прикидывать чашу будущего моря, брать на учет богатства, которые надо будет вывозить из затопления. Где-то там, внизу, в тайге, идет сейчас этот маленький отряд, в котором рядом с парнями идет и девушка, почвовед Маша Боярова. Идут по компасу, ночуют у костров. И это в мороз, когда ртуть опускается к самому шарику!

Не мелькнут ли где-нибудь в пойме маленькие фигурки, не покажется ли дымок? Нет, ничего не видно под крыльями. Только лоси, спугнутые мотором, бегут из поймы в чашу...

В деревне Невон – сорок дворов. Живут землепашцы, рыболовы, соболятники. Большую избу занимает отряд исследователей.

Вошла укутанная в платок молодая женщина. Поставила на стол темную бутылку с водой, назвалась:

– Лидия Понедельченко, гидролог...

Пять лет подряд каждое утро эта женщина идет к реке, берет пробу ангарской воды. Летом мерит скорость течения, размыв берегов, расход воды. Сорок человек исследователей живут в бревенчатом поселке. А через месяц тут будут жить уже триста гидрологов, топографов, геологов, горных рабочих. Это разведчики, без которых не обходится ни одно большое наступление. Для плотины надо выбрать самое выгодное место. Много работы у разведчиков. Семь отметок сделали они на ангарской карте, и только у Толстого мыса выбрано наконец место для плотины.

После обеда у начальника экспедиции, где гостям подавались медвежати́на, нежная осетрина и чудом выращенные тут помидоры, в сани запрягли маленьких лошадок, и мы двинулись к Толстому мысу.

На первом же километре лошади стали белыми от инея, а мы соскочили с саней и побежали, чтобы согреться. Сосны, березы, лиственницы мелькают по сторонам. Тишина. Кажется, нет в мире ни огней, ни теплых домов, ни гудков на дорогах. Весь мир, кажется, состоит из морозной тишины и деревьев. Вспомнился Братск, клубы пара над стройкой. Когда-то и там стояла тишина и снег был таким же белым.

У Толстого мыса долго стояли молча. Я поднял голову, чтобы разглядеть сосны наверху – шапка упала с головы. Толстый мыс очень похож на братского Пурсея. Те же серые камни, та же высота в сотню метров и ширина у реки в этом месте такая же, как под Братском. Минут десять любовались мы дикой красотой скал, причудливыми красками зари над мысом. Не верилось, что совсем скоро эту сонную тишину разбудит музыка машин и тонкий молодой голос какого-нибудь парня будет кричать у Толстого мыса: «Вира помалу!»

...До полуночи мы сидели у рации. Радист крутил ручку и, прислушиваясь к птичьему писку черного ящика, посылал в небо просьбу:

– Я Невон, я Невон. Ответьте Невону...

Но мир молчал, и только к полуночи мы услышали нежный девичий голос:

– Слышу вас, Невон. Слышу вас, Невон... Хорошо, завтра самолет будет.

Улетали мы в полдень, когда рассеялся туман над Ангарой, когда ушли на задание все сорок разведчиков Невона. Двух я проводил по берегу реки, где лежат перевернутые, треснувшие от мороза лодки. Сделал снимок на память о первых следах на Ангаре у Илима...

Даже самая большая река начинается ручьем. Даже самое большое дело начинается с первого следа, с первого удара молотка, с первого камня в фундаменте. Сегодня вечером за новогодним столом вспомним, друзья, о тех, кто встречает ночь у таежного костра, кто прокладывает первую тропу для больших дорог.

Фото автора. Братск – Невон. 31 декабря 1959 г.

Трое прилетели в Невон...

Самолет летел на север. Это был уже третий по счету самолет. Сначала летели в большом двухмоторном, потом пересели в двукрылый поменьше, потом совсем крошечный самолет поднял их с земли.

Летели над большими городами, потом провожали глазами редкие поселки. Теперь под крыльями не было и поселков, только белая от снега река указывала дорогу на север. Всюду, где можно, река давала волю своему буйству – разливалась десятком рукавов и протоков, оставляла в русле бесчисленные островки – «лосята». В каменных проходах река сужалась, но бунтовала, пенилась, не давалась морозу. Пепельный туман клубился в таких местах над камнями. А дальше – снова вольные разливы, протоки, «лосята», подмытые корни сосен и кедров и ни одного следа...

– Ангара! – громко сказал летчик.

Трое понимающе кивнули головой. Одно слово объясняло все капризы реки.

Трое в солдатских бушлатах летели укрощать Ангару. В который раз достали намятую газету с отчеркнутой строчкой: УСТЬ-ИЛИМСКАЯ ГЭС. Вспомнили советы ротного, вспомнили друзей. Степку Пономарева вспомнили. Не поехал. Сказал: «Напишите, как там – я сразу...»

Самолет сделал круг и прицелился носом в деревушку, прижатую тайгой к реке.

– Дворов сорок... – успели сосчитать трое.

Самолет улетел в ту же минуту. Трое солдат отвернули у шапок уши, постучали законченными от мороза кирзовыми сапогами... Шесть черных лодок на берегу, темная полоса тайги и белая в снежных искрах река. От дымной проруби шел человек и нес большого осетра.

– Ловится, отец? – спросил один из солдат, чтобы начать разговор, чтобы расспросить о стройке, чтобы выяснить, куда идти.

Но старик опередил:

– Аль стройка какая у нас? – сказал он, взглянув на солдатские чемоданы.

Поняли солдаты, что рано приехали. Опять вспомнился осторожный Степка Пономарев, вспомнился почему-то сад под Сумами. Белые, такие же вот, как морозные елки, цветущие вишни над речкой. Вспомнили слова ротного: «Начинайте там и пишите. Мы подкрепление двинем». Глянули друг на друга солдаты, улыбнулись:

– Ну, веди, дед, погреться...

Успевшего замерзнуть осетра взвалили на плечо и пошли к избам, подпиравшим небо дымными столбами из труб...

– Денег?.. Понимаю. – Председатель колхоза посмотрел на свои валенки, помолчал. – Денег дам, и самолет вызвать можно. А надо ль? Понимаю – рано приехали. Но ведь будет стройка!.. Да, ждать, может, и долго. Не знаю, сколько ждать. А начните-ка с колхоза стройку. Будем работать, будем вместе ждать...

* * *

Нехитрую историю о трех солдатах из Н-ской части я узнал в Невоне, бревенчатой деревушке на Ангаре, где ловят трехпудовых осетров, где бьют соболей, где медвежатина – обычное блюдо на столе. Я прилетел в Невон с начальником ангарской экспедиции. Он вез хорошую новость: «Будет стройка!» Он прилетел торопить разведчиков, прилетел сказать, что будет их теперь не сорок, а триста...

– Эге, в Невоне уже есть перемены, – сказал начальник, когда мы пошли по тесной улочке. – Электричество! Кто же это вам?

– Есть теперь мастера, – улыбнулся встречавший нас председатель колхоза.

От него я и узнал историю трех демобилизованных. Это они поставили белые столбы на улице. В каждый дом провели проволоку. В каждом доме с солдатской аккуратностью протянули провода, повесили лампочки. Это они починили радиостанцию и наладили трактор. В поселке, где сорок охотников и ни одного монтера, – это была революция. Солдат приглашали в дома, подарили им валенки и полушубки, за столом лучший кусок подкладывали солдатам. И не только за то, что руки золотые, а за то, что умели ждать, за то, что они были предвестниками больших перемен в Невоне.

– Где сейчас эти хлопцы? – спросил начальник экспедиции. – Пусть приходят, будем оформлять. Такие парни нужны в разведке...

Вот и вся история. Никто не назовет сейчас день начала большой стройки на Ангаре. Но каждый мальчишка в Невоне знает теперь, что день такой наступит. Много впереди работы. Но настанет и желанный час праздника. Разрежут алую ленту у входа на плотину, заиграет музыка. «Кто первым был тут?» – спросят на празднике. Вспомнят тогда историю о трех солдатах и назовут их имена: Василий Нарожный, Александр Зуев, Михаил Стовбер. «Они были первыми на Усть-Илимской», – скажут на празднике.

Фото автора. Поселок Невон Иркутской области. 7 января 1960 г.

Святые минуты

Шестьдесят святых минут у гранитных ступеней. Шестьдесят минут без слов, без движения. Мороз, метель, утро или полночь – стоит часовой. Пройдет мать, невеста пройдет – не дрогнут глаза часового. На всей земле нет вахты почетнее, чем эта. У всей земли на виду стоит тамбовский парень. И вся земля проходит мимо него. Идет отец с ребенком, солдат, иностранец идет, колхозник, сибиряк, старая женщина... Идут в метель, в мороз. Без шапок, в святом молчании проходят люди.

Тридцать шесть лет не кончается шествие. Этот парень со строгим лицом еще не жил на свете, когда горели январские костры, когда родилась эта человеческая река. Тридцать шесть лет... Люди пахали землю, возводили плотины, воевали, писали книги, в новых домах зажигали огни. И не убывала людская река, и сменяли друг друга часовые.

Смотрит в лица людей солдат – самые разные люди. Руки тянутся к шапкам, что-то шепчут губы, сосредоточены глаза. Много хочет сказать человеческое сердце в эту минуту. И сам часовой много передумал, провожая людей глазами.

«Если б мог ОН подняться сейчас. Если б мог поглядеть на землю. Что сказал бы людям?» – Часовой вспоминает материнские письма из дому, отсветы огней над городом, вспоминает, как в морозную ночь летит над Мавзолеем звездочка-спутник, как стучат поезда, как победно звенят большие часы на башне. «Что сказал бы Ильич людям, если б взглянул сейчас на страну?.. «Спасибо», – сказал бы», – шепчет солдат и спохватывается. Ему, часовому, нельзя нарушать форму...

Звенят часы на башне. Чеканными шагами идет к Мавзолею караул. Кончились шестьдесят минут. Часовой встает на смену часовому. А люди идут и идут...

Фото автора. 14 января 1960 г.

Судьба лейтенанта

Три телеграммы. Они пожелтели за десять лет. Они хранятся в семейном альбоме рядом с карточкой, где безусый лейтенант сидит рядом с женой и держит на коленях сына. Короткий телеграфный диалог:

- Демобилизуюсь...
- Боря, а как жить будем?
- Все будет хорошо. Выезжай.

Десять лет назад лейтенант Борис Лобов отстегнул погоны и положил их на дно чемодана – на память. Жизнь начиналась сначала.

Никто не скажет, что легко в тридцать лет начинать все сначала. На гимнастерке и то вон остались следы от погон. Куда пойти? Какая дорога самая верная? Не одному начинать дорогу – рядом жена, сына за руку надо взять...

Встретились у заводской проходной четверо. По следам от погон, по чуть тревожным глазам узнали друг в друге вчерашних лейтенантов, капитана, майора.

- Нужны люди?!

Старичок в отделе кадров пошелестел бумагами, поглядел на четверых.

- Нужны! На трудное место нужны люди. Согласны в кузню? Сегодня же оформлю.

«Кузня» ошеломила грохотом, снопами огней. «Кузня» тянулась чуть ли не на километр, дышала паром, светилась розовым железом.

– Точь-в-точь как под Берлином в сорок пятом! – крикнул Борис майору. Но тот не услышал.

Подошел мастер, протянул черную от копоти руку, улыбнулся белыми зубами.

– К нам?.. Ну что ж, если из хорошего железа сделаны – героями будете. Поможем. Но к нам не сразу. Сначала за парту... Да, за самую обыкновенную, с черной крышкой...

Сели два лейтенант, капитан и майор за парты, писали мелом на доске, получали тройки и пятерки. Возвращаясь с завода, плескались возле умывальника, потому что и в цехе шла учеба, возле паровых молотов, там, где мягкие от огня заготовки принимали новую форму...

Десять лет прошло с тех пор. Выросли дети у лейтенантов, капитана и майора. Давно сносилась офицерская одежда, только погоны на память хранятся. Что же стало с четырьмя друзьями за десять лет?

Только что закончилась сессия Верховного Совета СССР. Читая материалы сессии, вы, наверное, обратили внимание на выступление депутата А. Г. Крылова. Это директор Московского автомобильного завода. Помните, как тепло и с каким уважением говорил он об офицерах, пришедших на завод? Их не четверо. Их много десятков. Все стали большими мастерами своего дела, все получили квалификацию, все завоевали себе прочное место в жизни. Кое-кого директор назвал даже по фамилии. Среди них и один из наших четырех героев – Борис Николаевич Лобов.

Вечером, когда уже делался номер этой газеты, я постучался в квартиру, где живет семья Лобовых. Трое играли в шахматы.

– Это жена, это сын, ну и я, Лобов, тот самый лейтенант, – шутливо представил Борис Николаевич свою семью. – Решили с сыном мозги прочистить. Над книгами сидели. Он в техникуме, я в институте заочном. Друг другу помогаем. А когда дело доходит до шахмат, с матерью против сына объединяемся...

Вместе с Борисом Николаевичем мы поехали на завод. Завод почти рядом с домом, где семья Лобовых получила квартиру. По дороге расспрашиваю о судьбе четверых.

– О, все живут хорошо! По-прежнему ходим друг к другу в гости, даже дети наши дружат... По-разному, конечно, сложилась судьба, но ни у кого не сложилась плохо. Все оказались из хорошего железа и к хорошим кузнецам попали. К настоящим людям попали. Тепло, по-рабочему встретили, научили, поддержали. Одним словом, на ноги поставили...

Майор Сергей Михайлович Панин сейчас старшим мастером в цехе. Лейтенант Анатолий Васильевич Бутылкин – мастер на штампо-инструментальном участке. Капитану Ивану Евдокимовичу Степанову сейчас доверили ответственную работу по подбору кадров для завода. Лейтенант Борис Николаевич Лобов стал мастером-энергетиком.

В кузнечном цехе сейчас полыхают зеленые языки пламени. Это пламя газовых печей. Газовые печи в «кузне» устанавливал Борис Николаевич Лобов. В большой «войне» за культуру производства бывший взводный был на первой линии. Он отстаивал, он дрался за газ в кузнице. Он недосыпал ночей, он пошел на курсы газопроводчиков, чтобы самому, своими руками монтировать газовые установки... Нет копоти сейчас в кузнечном цехе. В три раза больше прежнего дает он продукции. Каждый что-нибудь сделал для обновления цеха. В общей работе есть труд и бывшего взводного.

Сейчас коммунисты цеха избрали Бориса Николаевича Лобова своим секретарем. Сердечный, умный и деловой секретарь у коммунистов-кузнецов. Снимок я сделал в цехе, когда Борис Николаевич объяснял что-то молодому парню.

– Кто это? – спросил я.

– Новичок. Владимир Занкин. Только что из армии. Стал на то самое место, где я десять лет назад стоял... Надо помочь парню. Трудное место.

Вот и весь короткий рассказ о лейтенанте и о трех его друзьях, которые десять лет назад переступили порог кузницы. Пусть их судьба послужит примером всем, кто выбирает сегодня дорогу, кто меняет винтовку на молот.

Фото автора. Москва, завод им. Лихачева. 19 января 1960 г.

Встречайте!

Он вышел из вагона на маленькой станции. Поставил чемодан, вглядывается в лица прохожих: не мелькнет ли знакомое лицо?..

Сейчас Валентин Филатов сядет на попутную машину. Замелькают по сторонам пензенские перелески, снежные поля, переедет речку солдат и к полудню – дома!

Миллион двести тысяч таких вот парней снимут скоро шинели. Таким парням не трудно будет найти работу. Таких парней везде ждут. Ждут в колхозах, на шахтах, на сибирских стройках ждут. Добро пожаловать!

Но мало найти солдату работу. Ему надо протянуть дружескую руку. Тепло, по-товарищески встретить его в цехе, на стройке, в целинном совхозе. Солдату нужны профессия и дружеское участие. Солдату надо помочь войти в колею новой жизни.

Вчера в редакцию пришли телеграммы из бригад коммунистического труда. Хорошие, сердечные люди зовут солдат на рубежи семилетки, предлагают помощь и дружбу. Открывается новая славная страница в жизни коммунистических бригад.

Строители, землепашцы и вчерашние солдаты станут рядом. Им есть чему поучиться друг у друга. Эта дружба всем принесет радость.

Встречайте солдата!

Фото автора. 21 января 1960 г.

«По городу ходил медведь...»

Вниманию западных журналистов! Сенсационный факт: медведь ходил по советскому городу! До сих пор медведей приходилось выдумывать. Тысячу медведей выдумали журналисты, чтобы показать дикость Сибири. А тут подлинный факт. Берите на вооружение. Только одну минуту. Дело было не в Иркутске, не в Красноярске и не в Якутске. Тут медведей встретишь разве что в зоопарке. Эта занятная для охотников история случилась в Братске. Медведь пришел в город... Впрочем, все по порядку.

Под Новый год печатник Братской типографии Костя Дорохов, прогуливаясь на лыжах по городской улице, заметил странные следы. Ночью кто-то прошел в больших валенках, но у валенок почему-то были... когти. Медведь? Не может быть! Костя – старожил Братска. Помнит первые костры, случалось, били и медведей. Но чтоб сейчас... Костя сбегал за ружьем и пошел по следу.

Владелец странных «валенков» бродил вдоль крайней улицы целую ночь. Больше всего его заинтересовал почему-то стадион. Костя хоть и не следопыт, но живо представил, как возле ограды медведь вставал на задние лапы, заглядывал на поле, где по воскресеньям резвились хоккеисты. А тут вот медведь пировал и даже валялся возле кучи столовых отбросов... След уходил в тайгу. Идти было опасно – затаившийся медведь может броситься неожиданно. Не успеешь даже вскинуть ружье. «Посоветуюсь с тестем», – решил Костя и повернул лыжи.

Весь день электромонтер и страстный охотник Александр Константинович Арсентьев мастерил засидку. На две высокие сосны на веревках подняли «лабаз» – площадку из досок. А возле кучи, где пировал медведь, положили пахучую курятину.

– Голод не тетка – придет косолапый шатун, – сказал монтер, подсаживая зятя на лабаз.

Целую ночь считали охотники звезды. Целую ночь сидели на соснах, не пошевелив пальцем. Под утро пришел-таки... Долго трещали сучья в непролазном сосеннике. Но ветер выдал охотников. Медведь почуял опасный запах, брезгливо фыркнул и, подминая кусты, убежал в тайгу.

На следующую ночь охотники опять засели. Голод не тетка, однако и сорокаградусный мороз не брат – попробуй просидеть, не шевельнувшись, целую ночь...

Редкий охотник не мечтает о таком трофее.

Пришел косолапый. Опять долго принюхивался, но запах курятины победил. Как только темная гора показалась на лунной белой площадке – грянул выстрел...

Эту маленькую охотничью историю я записал за столом у Арсентьевых, где подавались вкусные котлеты и тушенная медвежатина. Если западных журналистов и в самом деле заинтересует этот «настоящий медведь», пусть запишут себе в блокноты некоторые сведения о городе, куда пожаловал незадачливый шатун.

Братску пять лет от рождения. Пять лет назад жаркие костры распугали спавших медведей. Пять лет назад первый раз в этой тайге застучали топоры, легли первые километры дорог...

Сейчас в этот город прямо из Москвы идут большие рейсовые самолеты. Большой аэродром, такси, автобусы, автоматическая телефонная станция, два десятка школ, два десятка клубов и кинотеатров, детские сады и ясли, огромный Дворец спорта. Стадион, большие красивые дома. Промышленные предприятия, шестьдесят тысяч населения... Все, что нужно иметь настоящему городу, есть в этом городе на Ангаре.

К радости охотников, не перевелись и медведи в окрестностях. Но почему бродят эти медведи зимой, когда им в берлогах лежать положено? А потому, что все глубже в тайгу уходят строители, все смелее берут в руки непочатые богатства сибирского края. Много еще медведей распугают строители в сибирской тайге.

Фото автора. Братск. 21 января 1960 г.

Рассказ о красном камне

После взрыва руда дымится. Долго плавает над выемкой голубоватый туман. Людей не видно, и кажется – не динамитный, а древний, первозданный дым выходит из земной толщи.

Миллионы лет лежали в земле красноватые камни. Теперь на них падают снежинки. Железная лапа экскаватора цепляет и сыплет их в грузовик. Можно подойти и взять камень, взвесить на ладони. Тяжелый – почти чистое железо.

Три таких камня я увидел в рабочем общежитии. Они лежали рядом с раскрытой книгой. Молодой инженер Николай Рогатин допоздна засиделся у лампы. Когда он закрыл книгу, я прочел на обложке дорогое каждому человеку имя – Ленин.

* * *

Только-только показалось солнце, февральское, стосковавшееся по людям солнце. Ползими оно пряталось в туманах и метелях.

Мы стоим с Николаем Рогатиным у дороги. Машины не обращают внимания на поднятую руку. Машины переполнены. Ждем, разглядывая дымки над горизонтом.

Вон тощая струйка из маленькой хаты. Это последняя хата на краю большого каменного города – города имени Губкина, что сияет на солнце розовыми стеклами. Город проснулся, спешит на работу. Все спешат туда, где морозным паром дымит обогатительная фабрика, где встают струйки дыма над рудником. Сегодня, как и вчера, люди будут вгрызаться в землю. На огромной равнине – на курских, белгородских и орловских полях – люди прокладывают путь к железу. Тысячи людей тянутся к дымкам на горизонте.

А если поехать дальше, туда, где еще нет дымков, – не подумаешь, что под ногами прячутся железные горы.

Глубоко, за семью подземными речками, за пластами глины и мела спрятано курское богатство. Миллиарды тонн руды! Ни Европа, ни Америка, вместе взятые, не имеют такого клада. Трудно его взять. Но не зря же стелются розовые от солнца дымки над степью, стоит грохот на равнинных дорогах, ухают взрывы, не зря укладываются рельсы к отмеченным на картах точкам.

Вздрыгнула дремавшая веками курская степь. Если свернуть сегодня на дорогу, что ведет в местечко Лебеди, то вы не удержитесь, чтобы не остановиться и не поглядеть. Вся дорога красная. Представляете? Белый снег, и на нем красная лента. По дороге возят руду, добытую в Лебедах. Первая руда «Курской Магнитки» идет по этой дороге.

* * *

– А знаете, с чего все это начиналось? – спрашивает Николай Рогатин.

Этот умный, дотошный, любопытный инженер возвращается домой перепачканный глиной, с красными от усталости глазами. Он всего только полтора года в Лебедах, но можно подумать, что он тут с самого рождения – знает каждый выступ в карьере, каждого шофера и экскаваторщика. Он целый день на руднике. Но ему мало одной работы. Он роется в книгах, расспрашивает, ищет. Он живет делом, к которому приложил руки.

– Начиналось это так...

Медленно плывет дым от папиросы. Зеленая лампа тонет в тумане. Николай рассказывает, и я вижу девятьсот пятый год. Вижу, как трясется в повозке профессор Лейст. С большим любопытством глядит ученый на пляску магнитной стрелки. С большим внима-

нием записывает он рассказы крестьян о молниях, которые «впиваются в курские бугры». «Под землей, должно быть, горы железа», – думает профессор... Спорят геологи. Одни говорят: «Все дело в таинственных электрических силах, и никакой руды под Курском». Другие считают, что там чистое железо... Шумят газеты, будоражатся промышленники. Потом все забывается. Забывается до рождения новой России.

Первым человеком, вспомнившим о курской загадке, был Ленин. Он сразу понял, как нужны, как дороги «горы железа» в центре России, рядом с донецким углем, рядом с промышленными районами.

1919 год. Банды и белые армии терзают страну. И в этот тяжелый год Ленин дал ученым задание в возможно короткий срок разгадать курскую загадку. Ленин сам пристально следил за их работой. Просил докладывать, беспокоить в любое время. Четыре года следил Ильич за работами, что велись под Курском. Было принято специальное постановление «О разведывании Курской магнитной аномалии». «Признать все работы, связанные с разведкой Курских магнитных аномалий, – говорилось в нем, – имеющими особо важное государственное значение».

Под Белгородом и Курском шли бои с Деникиным. Горела пшеница, дым застилал поля. И сквозь этот дым шли разведчики, посланные Лениным. Шли разведчики мирной жизни.

Вести из-под Курска в Москве ожидалось с таким же нетерпением, как и с фронтов. И очень обрадовался Ильич, когда из глухого местечка под Щиграми пришло радостное сообщение: под землей – железо!

«Если так, не надо ли весной уже

1) провести там необходимые узкоколейки!

2) подготовить ближайшее торфяное болото (или болота!) к разработке для постановки там электрической станции!

Дело это надо вести сугубо энергично. Я очень боюсь, что без тройной проверки дело заснет», – писал Ленин.

Вплотную курскими делами занялись в тридцатых годах, когда страна оправилась от разрухи, когда начала расправлять плечи. Однако все богатства аномалии были открыты и по достоинству оценены только совсем недавно.

Экономисты, ученые, хозяйственники, подсчитав курские сокровища, еще раз изумились прозорливости Ленина.

На базе «Курской Магнитки» в самом сердце России вырастает сейчас могучая индустрия.

А нельзя ли разыскать тех, кто по заданию Ленина шел сквозь дым и разрывы с магнитной стрелкой, кто закладывал первую скважину на курских полях?

* * *

Много дней, используя любую возможность, колесил Николай по тихим степным городкам, звонил старым геологам и рудокопам, расспрашивал, навел справки – никаких следов. Только в этом году в записной книжке появился заветный адрес.

...Едем в Старый Оскол. В чемодане маленькие подарки. Среди них один особого смысла: обломок красного камня из Лебедей...

У окна сидит человек, читает «Правду».

– Дмитрий Иванович Ширинский?

– Точно...

– Скважину под Щиграми помните?.. Это подарок от нынешних рудокопов.

Старик смотрит на красный камень, гладит его рукой.

– Спасибо, что не забыли...

Сорок лет буравил человек землю. Сорок лет искал дорогу к руде. И вот красный камень лежит на столе.

– Да, начинали мы в лихое время.

...В 1921 году по пыльной дороге к Щиграм шли двое. Семьдесят пеших верст отмахали два школьных учителя, пока увидели на горизонте белую щигровскую церковь. Шли потому, что прослышали: по заданию Ленина ищут железо.

– Молотка в руках не держали, значит? – спросил человек в замасленной куртке и серых от пыли сапогах. – Ну что ж, простыми рабочими возьмем. Согласны?

– Согласны, – сказали два учителя. – А правда ли, что сам Ленин интересуется?..

– Правда, – улыбнулся человек и поднял руку. – Будем знакомы. Я Губкин. Неделя, как от Ильича. Очень ждет и очень надеется на нашу работу.

Дмитрию Ивановичу не пришлось увидеть Ленина. Не видели его и остальные сто человек, разбившие лагерь на курских полях. Но забота этого человека чувствовалась всеми каждый день. Голод, разруха, бедствия. Но для курских разведчиков Ленин послал дорогие шведские станки с алмазными бурами. Велел купить новейшие инструменты – лишь бы скорее двигались работы под Курском.

Из сел приходили любопытные. Стояли целыми толпами у бурильных станков. Пришел однажды церковный дьякон, целый день ходил возле вышки. Через неделю пришел остриженный. «Берите на работу!.. А правда ли, спрашивает, что сам Ленин руководит?» – «Да, – говорю, – точно».

Весной двадцать второго года долото уперлось во что-то твердое. Руда! Люди плясали от радости: было чем обрадовать Ленина.

– А ведь и в самом деле очень обрадовался Ильич. Говорят, написал записку, чтобы немедленно начать работы и чтобы дело вести сугубо энергично.

Последние слова Дмитрий Иванович произнес с особым ударением. Я вспоминаю, что и в книге на столе инженера эти слова были подчеркнуты красным карандашом.

Помолчали. Дмитрий Иванович подсел к Николаю.

– Ну, как там у вас? Рассказывайте.

* * *

Лебеди – это поэтичное название деревушки, которой уже нет. На ее месте огромная выемка. В большой эмалированный таз бросьте маковое зернышко – вот так же выглядит гигантский экскаватор на дне карьера.

Николай пришел сюда, когда вынуты были первые ковши земли, когда еще шли споры, как лучше брать – открытым способом или подземным. Боялись воды, боялись оползней крутых краев. Сами строители с трудом верили, что можно вычерпать гигантскую чашу, начерченную проектировщиками.

Сейчас Николай Рогатин – опытный, знающий инженер. Семьдесят молодых специалистов получили закалку в Лебедях. Тысячи инженерных задач пришлось решать людям на пути к красному камню. Двадцать пять миллионов кубов земли надо было вынуть и увезти, чтобы истомленные ожиданием люди могли бросить вверх шапки и закричать: «Руда!»

Двадцать пять миллионов кубов! Это два с половиной года непрерывной дневной и ночной работы. Десятки мониторов размывали грунт, десятки экскаваторов, больших и малых, шагающих и ползающих, выгрызались в землю. Сотни автомашин день и ночь сновали по дороге, нагревали ее так, что зимой впору босиком ходит. Автомашины начинали свой путь и умирали, изнашивались на крутой дороге из карьера. Только люди росли, мужали, набирались опыта на этой беспримечной стройке. И вот идет руда. Все чаще звучит команда: «Сегодня взрыв!»

В такие дни замолкают экскаваторы, землесосы. Автомобили все до единого покидают карьер. Безмолвна и величественна гигантская ступенчатая яма. Слышно, как булькает вода в отливных трубах и часто стучит секундомер...

Взрыв!

Вздрагивает ковш экскаватора – убежище взрывников. Сверху падают камни и красная рудная пыль. Туманится теплая и влажная, вывернутая наизнанку преисподняя земли. Кажется – не динамитный, а первозданный дым идет из земной толщи.

Отсюда, из Лебедей, первая руда идет в металлургический Липецк. Отсюда взяли по камню на память все, кто два с лишним года вгрызался в землю. Три камня взял и положил рядом с ленинской книжкой инженер Николай Рогатин.

Г. Губкин. 10 февраля 1960 г.

Снегири

– Если у лошади выдернуть из хвоста волос, можно сделать мировецкую петлю.

– Зачем?

– Неужели не знаете? – Ленька искренне удивился такому невежеству. – Да вы хоть снегирей-то видели?.. Идите сюда.

Ленька взял меня за рукав, повел вдоль плетня, заставил пригнуться. Почти на четвереньках проползли мы по снегу к старой груше. Возле пролома в плетне Ленька беззвучно зашевелил губами: «Глядите!»

Пятнадцать розовых птиц застыли на ветках. Не понять – то ли дремлют, не то прислушиваются... Согнули своей тяжестью заиндевевшие ветки, черным глазом провожают красную зорю птицы. Если отвернуть у шапки уши, слышна тонкая, как перезвон люстры, снегирина песня.

– Слышишь? – шепчу Леньке.

Он тоже возится с шапкой, улыбается глазами:

– Слышу...

– Хотите подарю одного? – говорит Ленька, когда мы, вытряхнув из валенок снег, усаживаемся в сани.

– Это как же?

– Чудак человек. Да ведь, если выдернуть у лошади волос, мировецкая петля получится...

– Скажи-ка лучше, почему снегирей снегириями зовут? – спрашиваю я в свою очередь. Леньке хочется угадать. Он ерзает на соломе, но в конце концов добродушно сознается:

– Не знаю.

– Понимаешь, вместе с зимой, с морозами, со снегом прилетают. Снег – снегирь...

Неожиданная простота отгадки приводит Леньку в восторг.

– Значит, бабушкин домовый это потому, что в доме... Пустырь... Богатырь, – бормочет Ленька. – Эх, забегу-ка я к Витьке! Уж я ему загадаю.

Ленька хватает портфель и, проваливаясь в сугробы, бежит к домику под камышовой крышей:

– Спасибо, что подвезли!

* * *

Поселок стоит у мельницы. Оттого, наверное, и название странное у поселка – Мельница. А речку зовут Ира. Запуталась в камышах эта речка, не знает, куда ей течь. То ищет дорогу пятью протоками, то вдруг остановится и стоит широким задумчивым плесом.

Возле поселка речка течет широким быстрым ключом. Только большим морозам под силу остановить речку возле поселка. В этом месте птичий крик и гвалт, плавают перья, белый пар идет от воды. К этим местам на брюхе подкрадываются из камышей лисицы.

Пять дней жил я в поселке. Каждое утро меня будил гусиный гогот: Ленька гнал стадо к воде. Вместе с ним всегда был приятель Витька Басианов. Я не удержался от улыбки, когда первый раз увидел их вместе. Сбитые набок шапки, черные расстегнутые пальтишки, красные галстуки – точь-в-точь снегири!

Я так и называл этих неразлучных друзей. Через два дня после знакомства я уже знал, по каким предметам у них тройки, знал, что школа у них за пять километров и они вдвоем ходят домой темными вечерами. Ленькин отец – комбайнер. Ленька тоже пробовал косить

пшеницу. Но когда он вырастет, он не станет, как отец, покупать «Москвич», на котором можно только по дороге ездить.

– Почему же не станешь?

– Куплю бинокль. Дорого, небось, стоит?.. Напополам купим, правда, Витька?

Тут же я узнал, почему так страстно мечтают Снегири о бинокле. В трех километрах от поселка Ира поворачивает в лес. Там и теперь, если забраться на лыжах, много интересного увидишь. А летом целый день можно сидеть в кустах с биноклем. Скопа ловит рыбу. Разве разглядишь без бинокля, как запускает когти в воду? «В стекла» же, если терпеливо сидеть, можно разглядеть и тетерку с выводком.

Еще через день я знал, какие цветы растут вдоль реки, сколько можно раков за день поймать, где у Витьки сорвалась «вот такая» щука. «А вот тут на плесе дядя Кузьма уронил и не достал двустволки...»

К воскресенью мы уже стали большими друзьями. Я рассказывал о Москве. Ребятишки вздыхали, потом в один голос сказали, что на Ире тоже хорошо. Вот только б летом сюда приехать и если б с биноклем... Пошептавшись, мальчишки решили доверить мне какую-то очень большую тайну.

– Только никому... – серьезно сказал Витька.

Мы долго шли по берегу, потом свернули в камыши. На большом плесе Ленька попробовал каблуком лед:

– Можно.

Мальчишки долго вглядывались под ноги. Наконец, присели над белым подледным пузырем. Витька достал шило, Ленька – молоток и спички. Оба подняли на меня глаза. Дескать, теперь гляди в оба... Через секунду из тоненькой скважины во льду, как из примуса, вырвалась свистящая струйка пламени... Друзья торжественно молчали.

– Только никому, – сказал Витька.

– И в Москве никому, – сказал Ленька, – мы решили сами разузнать, отчего огонь...

Я не стал говорить Снегирям, отчего горят подледные пузыри. Пусть сами найдут разгадку, пусть будет тайна у ребятишек.

Когда возвращались, я сказал им насчет спичек. Не боятся они в камышах беды наде-
лать?

– Что вы! – сказал Ленька.

– Что мы, маленькие! – подтвердил Витька. Ленька прошлым летом сам на пожаре отличился... А меня тогда не было, я у бабушки гостил...

* * *

Историю о пожаре подтвердил в понедельник председатель колхоза Павел Николаевич Фокин. Я подивился ребячьей скромности, с которой была рассказана эта история. В июне колхоз купил четыре тысячи цыплят. Четыре тысячи пушистых комочков осторожно вытащили из ящиков и пустили в просторный сарай. На улице жара, а цыплятам холодно – трясутся, жмутся в кучу. Пришлось спешно сложить печку. Не заладилась труба у печки. Загорелась от нее крыша. Ленька гнал корову, когда увидел огонь над соломенной крышей. Бегом к сараю! Сарай на запоре: птичница ушла обедать. Кое-как открыл засов Ленька. А крыша уже во всю полыхает...

Представьте себе четыре тысячи несмышленых существ и мальчишку с прутиком и крышу, которая трещит от огня...

...Сейчас на берегу Иры два больших каменных птичника. Это как раз у дороги, где Ленька с Витькой ходят в школу. Прошлым летом построены птичники. Четыре тысяч белых кур высыпает на берег по утрам.

– Неужели все четыре тысячи сумел спасти?

– Нет, не всех, – сказал Ленька, – десять штук не успел, обвалилась крыша.

– А сам ничего?

– Только волосы чуть-чуть...

* * *

Я закончил дела в колхозе и собрался уезжать. Ребятишки неожиданно появились у правления:

– Можно проводить?

...Сидим мы вместе в санях. Грызём крупные каленые семечки. У старого сада Ленька соскакивает с саней, бежит мимо плетня и усыпает снег крупными темными зернами.

– Снегирям. К вечеру соберутся...

Дорога ухабистая. Молодой конюх Степан в самых цветистых выражениях разговаривает с лошастью. Когда он оборачивается, я показываю ему кулак: «Не смей при ребятах». Но Степанова лошадь, видно, привыкла к крепким понуканиям...

Когда мы попрощались и я с чемоданом пошел к вокзалу, ветер донес обрывки разговора:

– Как не стыдно... Дядя ведь из самой Москвы...

Это два моих друга вели разговор со Степаном.

Милые сельские ребятишки!

Фото автора. Кирсановский район Тамбовской области. 6 марта 1960 г.

Приокское волокно

Эту заметку я пишу в цехе, при свете электросварки. В цехе, где пахнет свежей штукатуркой, свежей краской, горячим маслом. В цехе, где пулеметом рвет воздух пневматический молот, где темными китами стоят машины, где будут делать тонкое, как паутина, волокно.

Белые, розовые, голубые комочки волокон подарил мне главный инженер. Волокна сделаны не здесь. Их привезли, чтобы показать: вот за что воюем. Белые, розовые, голубые комочки паутины доставали из карманов каменщики, бетонщики, монтажники, когда я спрашивал о заводе.

Если тянуть и крутить паутинку, она потянет за собой другую, третью... Прочная серебристая нитка вьется из паутинок. Поговорите с хлопцами, и вы узнаете историю, о которой надо бы написать стихи. Главный инженер так и сказал: «Жаль, что не пишете. О наших ребятах надо бы...»

Все начиналось, как на целине. Палатки, походные кухни, вода в раскаленных от солнца бочках. Первый кол, первый камень. Два лета назад росла тут крапива. Сейчас – город корпусов, баки, трубы, вышки! Заглянуть под землю – и там не меньше железа и камня, бетона и труб. Сотни километров хитро сплетенных труб будут гнать под землей воду, пар, кислоту, сжатый воздух, отбросы. Будут стучать и дышать паром сотни китов-аппаратов. По последнему инженерному слову задуман завод. За два года две тысячи пар молодых рук подняли завод над землей.

Может быть, это руки чародеев-мастеров, за плечами у которых десятков строек? Есть и такие. Это – командиры. Армия же пришла со школьной парты из рязанских сел, с задумчивой Оки. Приходили в одиночку и целыми классами. Двадцать восемь друзей из Сараевского района справляли выпускной вечер на стройке. Все двадцать восемь и поныне не расстались. Опытные монтажники, штукатуры, бетонщики. Светлана Колотилина, Аня Левина, Тоня Проходцева, двадцать пять других. Их знают, о них говорят, их портреты – на почетном месте...

Рядом с тяжелым слесарным столиком, на котором я пишу заметку, работает монтажник Валентин Бойцов.

– Небось пять строек объехал? – спросил я, наблюдая за ювелирной работой.

– Нет! Явился бухгалтером. Поглядел, как с железом воюют, плюнул на дебет-кредит: «Умру, а буду монтажником». Не умер вот...

Две тысячи новичков пришли на стройку, две тысячи стали мастерами. Недосыпали ночей, не расставались с книжками, не уставали расспрашивать и только иногда признавались: «Сложная штука химия».

Недосыпала ночей бригада бетонщика Анатолия Соловьева, когда нужен был строительный фронт монтажникам. В лютые морозы, когда вороны залетали от ветра под крыши цехов, на стометровый каркас трубы поднимались монтажники Корябин, Трушков, Севостьянов. С вышки падали горячие звезды электросварки.

«На год раньше срока!» Лозунг родился, когда клались первые кирпичи корпусов. Это был встречный план строителей. Смелый, даже дерзкий план. «Сделаем!» – сказал комсомольский штаб стройки. За ним было последнее слово, потому что не одни рязанцы решали дело. В разных уголках страны готовилось для завода оборудование. Как получить его раньше срока?

О комсомольской солидарности еще не написано песен. А какие слова нашлись бы! В Ленинграде, Владимире, Челябинске, Белгороде услышали рязанцев. Из десятка городов пришли комсомольские телеграммы: «Сделаем раньше срока!»

Конечно же, нелегко сделать раньше срока. У каждого завода свой план, свой график. На час позже приходили комсомольцы домой, просили, требовали. Больше всех, конечно, досталось самому рязанскому штабу. «Командующий» Василий Фофанов ездил ходоком на заводы, бывал в совнархозах... Вовремя, к новому сроку, пришли аппараты из Ленинграда, цемент – из Белгорода, бульдозеры – из Челябинска, вибраторы из Москвы...

На год раньше срока становится на старт завод большой химии. Закончено строительство, идет к концу монтаж механизмов. Завод похож сейчас на большой оркестр перед началом концерта. Еще нестройно звучат инструменты, пробуют голоса скрипки, но зал наполняется людьми, и капельмейстер торопит оркестрантов. Как большой оркестр, слаженно и гармонично должен работать большой завод. Тончайшие химические процессы будут идти на земле и под землей, в огромных баках и аппаратах. В первый цех поступят грубые листы целлюлозы, извлеченные из бревен, в другом конце завода через золотое, платиновое или танталовое ситечко будет процеживаться тончайшая паутина волокон, тех самых волокон, что носили два года в замасленной спецовке монтажники, бетонщики, штукатуры.

Одним из самых крупных производителей искусственного волокна будет завод, выросший на Оке. Часть своей продукции даст он текстильным фабрикам. Уже приехали на завод те, кому управлять машинами. У них праздник будет в мае, когда после настройки, наладки завода пойдет волокно.

Рязанская область. 11 марта 1960 г.

Зимние квартиранты

В конце августа, когда потянулись к югу птичьи стаи, в открытую форточку нового дома в Москве залетели две странные птицы. Утром для них открыли окно – переночевали, теперь летите! Но птицам, видно, понравился большой пятиэтажный дом в Кожуховском переулке. Вечером в форточке опять раздалось хлопанье крыльев, и гости появились снова. А утром они неожиданно начали таскать в комнату прутики и травинки.

– Эге, да они зимовать собираются, и не как-нибудь, а в «своем доме», – сказал Иван Михайлович Молодкин и велел дочери принести в комнату «строительного материала».

Две лесные горлицы, отбившиеся, видно, от стаи, не теряли времени даром. Через несколько дней на старых часах появилось гнездо. И горлинки, совсем как весной, начали петь любовные серенады. Только стукнут часы семь раз, только засинеет окно после ночи, а в комнате уже начинается: «Тур! Тур!»

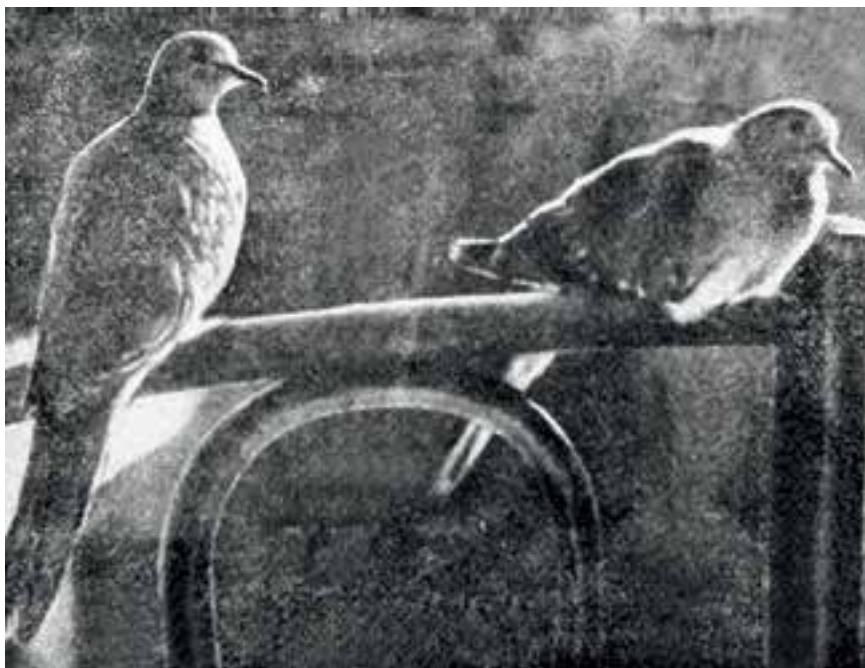
На дворе дожди, первый снег повалил, а в квартире весна – в гнезде над часами появились два маленьких яичка.

Однажды утром яйца треснули, и из гнезда выглянули два беспомощных розовых существа.

Росли птенцы быстро. Но один заболел какой-то детской болезнью и протянул лапки. Вся забота родителей доставалась теперь одному.

В один прекрасный день птенец почувствовал себя взрослым. Он выбрался на край гнезда и после некоторого раздумья совершил первый беспосадочный перелет: часы – спинка кровати. Потом он отважился слетать «на край света» – на спинку стула. Удачи окрыляют. Отвернулись как-то родители, и птенец пустился в «межпланетный рейс»: пырь в форточку – и был таков.

На дворе было тепло в этот день. Иван Михайлович и Галя долго искали безумца. Вывесили даже объявление в подъезде: «Кто увидит горлинку (далее следовали приметы), просьба доставить в квартиру № 16».

Осиротели родители. Но скоро в гнезде над часами опять появились два птенца. Эти оба не перенесли болезни...

Однажды Галя заметила, как старые горлинки жадно клевали столетник. «Может, витамины нужны птенцам?» – Иван Михайлович принес листики петрушки. Горлинки с жадностью набросились на зеленое крошево. Соком петрушки sprysнули пшенную кашицу, перетерли ее и дали птенцам... Одного удалось спасти от странной болезни. Он вырос и теперь совершает регулярные рейсы по комнате наравне с родителями. А родители решили продолжить птичий род.

Для этих новорожденных Галя сразу организовала «спецпитание». Три раза в день в широкие клювы вкладывалась каша с соком петрушки и рыбьим жиром. Эксперимент удался. Птенцы выросли крепкими. Сейчас в квартире Молодкиных уже тесно от пяти зимних квартирантов – летают всюду. Лесные обитатели, которым в зимнее время положено быть в теплых краях, благополучно перезимовали в Кожуховском переулке Москвы.

Фото автора. 16 марта 1960 г.

Баллада о топоре

Я с любопытством оглядел топор.

– При Петре ковался?

Старик уловил недоверие. Он взял топор, вытер рубахой ржавые пятна.

– В музей сдавать не собираюсь... А вам не грех поспросить людей, что за село наше такое... Лодка-то хороша в ходу?

Я похвалил лодку.

– То-то же, – сказал старик. – Полюбопытствуй насчет села... Ну пошли, Витек!

Старик смахнул щепки со штанов, соскреб ногтем лепешки ила. Белоголовый мальчишка спрятал в осоку весло, как заправский плотник, кинул топор на руку. Оставляя следы босых ног на песке, дед и внук пошли берегом в село...

Припоминаю сейчас все подробности этой июньской встречи. Помню утро, тихое и ласковое. На «окуновом месте» с дуба падали капли ночного дождя. От травы – пар. Весь луг у воды дымился теплым сырым туманом. Лучшей «зари» удильщик не пожелает. Клева, однако, не было. Я сменил десяток «верных мест» – хоть бы что!

– Как отрубило, – сказал мой сосед Федор-горбун и захлопал веслами к дому.

Горбун в этих местах почитается рыбным профессором. Уж если у него «отрубило»... Я смотал удочки и приготовился поднять со дна камень, служивший якорем.

– Уры-ык!..

– Если уж делать лодку, то чтоб лебедем шла.

Едва не задев удилице, над водой пронеслась большая серая птица.

Я давно знал: в лозняке за Кривошейкой есть у цапли гнездо. Иногда удавалось видеть, как голенастая птица караулит лягушек.

Кто-то потревожил цаплю. Она жалобно кричала и делала круги над мысом. Появились вороны, березовые ласточки, воробьи. Они комьями кидались сверху на серую неповоротливую птицу. Неистовый гвалт стоял у речки. Цапля по-прежнему делала круги...

– Кто тут? – окликнул я, раздвигая осоку.

На траве сидел безбородый старик в красной полинявшей рубаше, в старой, с поломанным козырьком кепке. Тут же, на поляне, сидели два косаря, сыновья деда.

– Аль самому лезть? – сказал старик с укоризной и поглядел на сыновей. – Михаил!..

Младший зашвырнул в реку сигарку и взялся за косу.

– Дался тебе, батя, этот ржавый обух. – Второй сын стал раздеваться, но, попробовав ногой воду, снова сел на траву.

– Не полезу. На кой он сдался! Вон новый топор бери...

Старик махнул рукой.

– Витюшка!.. Витюшка-а! – позвал он.

Минут через пять реку переплыл белобрысый мальчишка лет двенадцати.

– Топор уронил, Витек... Надо же дураку старому было взять... – Старик был искренне огорчен и расстроен.

Я скинул штаны и вместе с Витькой принялся нырять у осоки. Сыновьям стало неловко. Они поклали косы и тоже полезли в воду.

Глубина была изрядная. Мы трое быстро выдохлись, а Витька не переставал нырять и через час кинул на песок действительно никчемный на вид старый топорик...

* * *

Март. Вчера небо и снег были синими. Сегодня опять по-зимнему кружится метель. Опять облака и ветер. Но это уже не та сплошная пелена, что была две недели назад. Все чаще мелькает солнце в разрывах, клочок синевы вдруг проглянул... И опять облака, тяжелые и торопливые. Они – как отголоски далекой битвы, которая началась уже где-то за горизонтом.

Сдаёт зима. В затишье орут воробьи. На окне в бутылке расцвели красноватые прутьики вербы. Эту неделю я все чаще поглядываю на рюкзак. Мой старый спутник! Ему надоело висеть на гвозде. Он хочет, чтобы я пришел к нему потерянную летом пряжку и уже теперь положил на дно упругие мотки лесок, крючки, патронташ. Он очень стосковался по солнцу, обмяк, отсырел. Летом тонул однажды этот старый рюкзак, солнце выжгло на боках у него белесые пятна. Тяжело приходилось бедняге. Когда я осенью вешал его на гвоздь, он, кажется, был доволен – сколько же мотаться! А теперь, услышав воробьиную драку на улице, затосковал, запросился с гвоздя старый бродяга. Ничего, дружище, теперь уж недолго ждать... Я засыпаю под свист метели.

Утром туч как не бывало. Опять синие тени и синее небо. Воробьи запивают завтрак каплей. Да, теперь уже скоро... Скоро я встречу с тобой, древнее село у речки...

В село это из Воронежа можно попасть и «морем», и сушей. Если любите реку, садитесь на «катер». Так называют на пристани большую лодку с тракторным мотором. Прийти надо заранее, иначе не найдешь места среди корзинок, ведер, грибных лукошек. С базара, из города едут сельские бабы, и речная посуда бывает загружена доверху. Впрочем, местечко всегда находится и для собаки, и для ружья, и связку удочек пристроишь у борта.

По дороге катер обязательно завернет в глухую лопушистую заводь. Тут вылезут рыбаки, чтобы остаться на ночь. Но это не последняя остановка.

В лесном домике у реки живет «мотористина любовь». Она издалека услышит тарахтенье и будет стоять под вязом в белом нарядном платье, ожидать, пока катер ткнется в берег.

Моторист будет долго пить молоко из глиняной корчажки. Потом начнется длинный разговор. Разговору может и не быть конца, но какая-нибудь баба не вытерпит:

– Ну будя, поехали!..

Катер спугнет стаю уток, качнет на волнах одинокую лодку. Медленно, но упрямо будет лезть катер против течения. Порой покажется – заблудились. Мелькнет в прорехе между дубами колокольня, а катер вдруг начнет забирать вправо, в луга. Не беспокойтесь – моторист свое дело знает. Это река, выйдя от Белой горы на простор, начнет выписывать кренделя между копнами и одинокими вербами...

Перед закатом бабы начнут разыскивать свои лукошки и вы увидите на горе очень старую кирпичную церковь. А внизу – лес, река, лодки на приколе, приземистые, крытые камышом домики. Это и есть Чертовицкое.

Перевозчик Федор Павлович Тарарыков уверяет, что в древности в этих местах проходила граница с татарами – ч-е-р-та. Отсюда, мол, название у села такое.

С обрывистой, нарытой ласточками горы далеко видна причудливо изогнутая река, виден зеленый у воды и голубой у горизонта дубовый лес. На много верст как на ладони прибрежная равнина. Очень может быть, что какой-нибудь дальний предок старого перевозчика нес службу на этой горе. Подпаливал смоляной факел или бил в набат, если видел ногойскую конницу за рекой.

Сейчас село рассыпалось по буграм и буеракам – потонуло в садах. С реки видны только старый дуб и камышовые крыши...

– Ишь какая полыхнула! – скажет горбатый Федор, услышав плеск сонной рыбы. – Килограммов пять, не меньше...

Сидят, курят. Глядят, как играют зарницы над лесом.

– По Цельсию нынче семнадцать... – скажет после общего молчания маленький старик, которого все тут почему-то Кочетом зовут.

Старик много лет служил «при реке». Мерил подъем и температуру воды. Лет семь назад должность «при реке» упразднили, но старик по-прежнему два раза в сутки ходит с градусником к воде.

– А по Цельсию нынче того – пятнадцать!

Бабы с ведрами белья, проезжий шофер, мальчишки с удочками – все, кто случается на берегу в торжественную дедовскую минуту, узнают, какова сегодня вода по Цельсию...

Желанный гость «на бревнах» – лодочник Иван Гаврилыч. Он приносит с собой запах стружек, запах табака с донником, веселый, насмешливый говор. С приходом Гаврилыча разговор непременно пойдет о лодках, о старых лодочных мастерах, о том, кому и когда «сготовлена» чертовицкая посуда.

Тут, «на бревнах», летними вечерами, отдыхая после рыбалки и блужданий по лесу, узнал я историю старого топора.

* * *

Историю эту надо начать с Воронежа, с памятника царю Петру. На главной улице в садике, окруженном врытыми в землю пушками, стоит бронзовый Петр. Он и до войны стоял, этот дорогой для воронежцев памятник. Немцы позарились на металл, увезли и растерзали где-то бронзового богатыря. По памяти, по старым фотографиям памятник отлили снова. Старожилы считают, что царь даже помолодел после войны. Скульптор не зря старался. Именно таким – молодым, энергичным и сильным – помнят Петра древние берега Воронежа.

Время стерло следы великих работ на реке. У пристани стадо моторных лодок, возводится бетонный мост, влюбленные пары сидят на скамейках у берега... Только дошлый краевед покажет вам место, где были верфи, где стоял домик Петра. Война смела остатки петров-

ских строений. Глянешь на обмелевшую реку, на пляж с купальщиками – трудно поверить, что некогда под стук топоров рождался тут могучий российский флот.

Пятнадцать лет подряд наезжал сюда царь и подолгу жил и работал. Засучив рукава, он плюшил железо, тесал бревна и принимал послов. Отсюда, из-под Воронежа, распустив паруса, ушла на Азов петровская флотилия. Поныне окрестные села и местечки названиями своими хранят деяния славного царя-работяги. Гвоздовка, Клеповка, Парусное...

– У села Чертовицкого своя слава. Где-нибудь на Дону, на Тихой Сосне, на Хопре или на болотистой Усманке встретится вам смоленая легкая, как вязовый листок, лодочка. Чуть толкнешь – стрелкой летит. Ладная, красивая, легкая.

– Игрушка, – непременно скажете вы хозяину-рыбаку.

– Из Чертовицкого пригнал! – ответит рыбак.

И начнет петь хвалу чертовицким лодочникам. Обязательно скажет, что они, чертовицкие, секрет лодочный знают. Но невдомек хоперскому рыбаку, откуда у чертовицких этот секрет...

В тихом селе выше Воронежа двести шестьдесят четыре года назад учредил Петр малую верфь. Лодки повелел делать царь. Лесу кругом – не пройти. И дуб, и сосна. Жги уголь для кузни. Бери топор в руки. Уменья нет? – Научимся!

Учился царь, учились лодочному делу смекалистые чертовицкие мужики. Кипела работа у обрывистой горы на Воронеже...

Каждое лето я еду в Чертовицкое. Брожу по лесным буеракам, ловлю рыбу. Иногда по утрам, когда туман заволакивает реку и видны только макушки у старых дубов, чудится мне стук топора и звон железа. Забыв про удочки, прислушиваешься к голосам, видишь богатырей в конопных фартуках, с волосами, схваченными ремешком... Стук копыт в тумане. Не сам ли Петр прискакал узнать, как исполняется царский указ и хороши ли лодки на воде?..

Уходит туман, уходят и грезы. На лошади прискакал тракторист из совхоза, а звон железа – удары по рельсу: в доме отдыха завтрак. Бегут ребятишки к воде, чей-то «Москвич» пылит на пригорке. Только церковь и пеньки от старых дубов на кладбище напоминают о прошлом... Спят на горе старые корабельные мастера, а слава о них живет по Хопру, по Дону, по Тихой Сосне.

* * *

Топор Ивану Гавриловичу достался от отца, а тот тоже от отца получил, а тот отец... Неизвестно, когда и как попал этот старый топор в семью Ивановых. Издавна повелось считать, что выкован топор еще в петровские времена и будто первая чертовицкая лодка сделана «этим железом».

Берегли инструмент пуще глаза, потому считалось в семье – топор приносит счастье. По наследству топор отдавался не старшему сыну, как прочий инструмент, а тому, кто сноровистей, у кого лодки «лебедem шли».

Ивану Гавриловичу топор достался, когда мастеру было «не то семнадцать, не то осьмнадцать». Приехал из Воронежа знатный заказчик, мастер-краснодеревщик Левонов. Важный человек – при усах, в атласной жилетке, на животе цепь золотая. Приехал лодку заказывать.

Лодочники – народ с достоинством, с каким-нибудь барином «на одной канаве не сядут». А тут мастер, с парижской выставки медаль имеет... Почтенно стоят чертовицкие мастера, ждут, пока гость оглядит на приколе все лодки.

– Чья работа? – суковатая трость уперлась в новый только что спущенный на воду челночок.

– Кликните Ивана! Сына позовите! – что есть мочи закричал дед Гаврила и сам, не дожидаясь, пока дозовутся, побежал к дому.

С минуту краснодеревщик стоял молча, оглядывал нескладную босоногую, в стружках фигуру парня. Потом сказал строго:

– Лучший матерьял даю. Заморское дерево. Смотри...

– Сделаем, – сказал парень.

Заказчик не стал более говорить. Сел в пролетку, приподнял шляпу:

– За ценой не стою. Чтоб как игрушка...

– Сделаем...

Через три недели опять подкатила коляска. Знатный заказчик оглядел лодку, потрогал ладонью днище, велел спустить на воду... И тут же, на берегу, при всех расцеловал Ивана.

Потом пили чай под вишнями. Краснодеревщик скинул атласный жилет и перчатки. И лодочники увидели: у знатного гостя такие же, как у них, пораненные железом рабочие руки...

С тех пор и пошли по Воронежу, по Хопру, по Тихой Сосне и по Усманке легкие, как вязовый лист, «Ивановы челноки». Приумножилась слава чертовицких лодочных мастеров.

* * *

– Сколько же лодок за жизнь соизладил? – спрашивает старик Кочет. Кочету не хочется уходить в душную избу и, хоть время за полночь, старается протянуть разговор.

– Зарежь – не знаю. Может, тыщу, может, более тыщи... – Гаврилыч молчит, мнет сигарку с пахучим донником. – Сколько ни сделай – гниет посуда. Все гниет. Одно руко-месо не гниет, если, конечно, в надежные руки дать.

Сыновья, по мнению старика, не удались, непутевыми вышли. Один в город метит, другой в пастухи подался. Топора и в руки не брали. Старик не принуждал: невольник – не богомольник. Последние годы, почуяв слабость в руках, Гаврилыч хоть и шутит по-прежнему, хоть и выпить не прочь – задумчивым стал.

«А, может, не нужны теперь чертовицкие лодки? Может, в речку закинуть дедовский топор? Вон сколько ныне «моторок» понастроили! Под воскресенье всю ночь тарахтят».

Выйдет утром Гаврилыч посмотреть на реку с горы. «Нет, нужны челноки!» Вон под обрывом рыбак сидит в плоскодонке. А вон дровишки везут по реке. Федор Павлович, перевозчик, девок усаживает в челночок. «Пока вода есть – нужны и лодки, – думает старик, возвращаясь с бугра длинной, затерянной в траве тропинкой. – Но если уж делать, то чтобы лебедем шла». У заливчика старик остановится, поглядит на залитые водою лодки. Их много – берется кое-кто ладить. Да что ж, лишь бы деньги взять, делают. Корыто корытом...

Одна теперь отрада у старика – Витька, внук от средней дочери. Белоголовому мальчишке от матери шлепки попадают – то ногу доской прищемит, то палец порежет. Дед Иван всегда прикрикнет на дочь, а внука позовет, погладит по голове...

– Вострый малый растет. В мотористы метит, шельмец. Прокатился до Воронежа – «на катер хочу!» и все тут! Ну что ж, пусть будет катер, теперь хоть на спутник садись – час добрый. А только и лодку стоящую сделать – это, брат, не сигарку с донником выкурить. Уметь надо! Все уметь надо – и лодку, и ракету.

При этих словах дед Иван оживляется, рассказывает, какой «корабль» соизладил Витька для школы и на что потребил премию, выданную дедом по этому случаю:

– Топор купил, шельмец... Ничего топорешко, как раз по руке. «Твоим, – говорит, – дедушка, нельзя работать. Ценность – беречь надо». Поди ж ты – ценность! Понимает...

– Да, вострый малый растет, – соглашается Кочет, – правильный малый.

Перевозчик тоже хвалил белобрысого Витьку. Потом старики просят у Гаврилыча «с донником напоследок». Закуривают и расходятся по домам.

Все засыпает – и речка, и лес на берегу. Только движок сонно бубнит на водокачке, и сыч кричит под обрывом. У берега пахнет тиной, намокшим деревом и рыбьей слизью. Спо- ласкиваешь лицо теплой, как парное молоко, водою и идешь на сеновал. Часа три спать при- дется. С первыми петухами надо подняться, стараясь не потревожить сонных гусей, нащу- пать удочки и – к реке, к лодкам...

Сухие зарницы над лесом сулят добрую, тихую погоду.

* * *

Висит на стене потертый, линялый рюкзак. Терпеливо ждет испытанный друг, когда кончатся городские мои дела. Ждет дня, когда сниму с гвоздя его и мы пойдем в магазины. Будем покупать зубастые синеватые крючки, тяжелые пачки с патронами, нехитрые подарки для стариков. А потом – стук колес, ожидание катера на бывшей петровской верфи, старые дубы и копны на крутых берегах.

– А, явились! – всплеснет руками седой перевозчик Федор Палыч. – Ну, ну! Сено в этом году душистое и клев подходящий...

Фото автора. 17 апреля 1960 г.

Идут люди к Ленину

*В музее В. И. Ленина за воскресенье побывали 15 000
экскурсантов*

Дверь не закрывается. Дверь не успевает закрываться. Идут и идут... Три белые ступени стерты людьми. За год миллион человек.

В эти дни особенно много людей. Идут и идут. Матросы идут, девушка с белым цветком на платье. Брезентовая куртка парня, рубашки школьников, фигура приезжего в ватнике. Вот группа туристов, солдаты, отец с ребенком. Седые, двадцатилетние... Целый день будут идти.

Пойдем с кем-нибудь рядом. Ну, хоть бы с этими двумя мальчишками. Им вместе лет двадцать пять. Сняли шапки у входа. Держатся за руки. Остановились... Это, конечно, не первая встреча. Они уже хорошо понимают, почему на площадях, на самом почетном месте стоит этот памятник. Но, может быть, первый раз в жизни так долго молчат и молчат... Один отыскал руку другого и чуть коснулся... Разве могут мальчишки словами сказать, почему непривычно забилося сердце. Целая жизнь впереди. Много поймут и узнают. И не раз еще так же вот сильно забьется сердце...

Родился человек на земле. Родился и умер, как все. Вот его детский портрет и табель с отметками... А вот знамена с черными каемками и скорбные лица на фотографиях. Две даты – рождение и смерть. А между ними – жизнь. Жизнь, которую нечем измерить и не с чем сравнить. Никто на земле не горел так ярко, никто на земле не сделал так много. У этой жизни люди идут учиться.

Очень просто жил человек. Вот пальто и ботинки. Просто не верится, что это ЕГО. Вот коса, котелок, вот страницы с бисером строчек. Вот комната его... У входа двое людей с нерусской речью. Стоят рядом, как те мальчишки. Спросим, откуда приехали.

– Я из Германии, Эрнст Эгер. Был в Таллине. В Москву прилетел на день, чтобы побывать здесь...

Объясняться нам помогает Антонин Серб. Он из Праги летит в Кабул. Выкроил время и прямо с аэродрома сюда... Впечатления? Чех обводит глазами зал, ищет нужное слово:

– Понимаете, очень людский... Как это по-русски... Очень человеческий был...

В девятнадцати залах – большой человеческий университет. Каждому есть тут чему поучиться, над чем-то подумать, что-то понять. А эта деревенская женщина? Ей семьдесят, не меньше. Учиться уж поздно. Что ее привело?

Знакомимся. Проценко Ольга Петровна приехала к дочери. Приехала вчера белгородским поездом.

– И сразу в музей?

– Вот, вместе с дочкой... – старуха поправляет платок, смущается окруживших людей, – боялась помереть, не повидавши. Батя мой ходоком к нему ездил...

О Ленине старушка говорит, как о живом:

– Вот повидалась, и душа спокойна...

Идут и идут люди по залам. Вот наши знакомые Гена Перепелкин и Толя Мухарьянов. Они по-прежнему держатся за руки. Еще раз подошли к машине, в которой ездил Ильич. Спрашивают: на каком точно месте любил сидеть Ленин?..

Идут к выходу мальчишки. Идут по длинному коридору, мимо новых дверей, закрытых пока брезентом. Там стук молотков – завтра откроются новые залы в музее. Люди увидят в них продолжение ленинской жизни. Увидят документы, увидят экспонаты наших дней.

Увидят то, о чем думал Ильич, о чем говорил рабочим и ходокам из деревни, о чем мечтал, ради чего жил...

Выходят на шумный проспект мальчишки. Идут, взявшись за руки. Долго жить им, и не один еще раз придут они в дом, где широкая дверь и стертые ступеньки у входа...

19 апреля 1960 г.

Два портрета

Под красным парусом

Это было недавно. Но это было так далеко... Вот лежит карта. Я веду карандашом по синему полю, по крупным буквам: ТИХИЙ ОКЕАН. Потом буквы мельчают. Тут океан, процеженный сквозь мелкие острова, называется морем. Вот еще меньшая часть океана – Тонкинский залив. Вот маковые зерна островов – залив Ха Лонг. «Залив утонувшего дракона», – скажет вьетнамец.

Когда утонул дракон? Наверное, в первый день сотворения мира. Торчат из воды каменные гребни могучей спины... Они успели поседеть и почернеть от времени.

...Было раннее утро. Было так тихо, туманно и так тепло, будто только-только совершилось творение мира. Боги спрятались за скалы и обезьяньим глазом глядели: что же вышло из трудной работы?

Боги не пожалели красок и камней для залива. Синяя вода, синий туман, темные скалы, розовый восход... Ни звука. Только наш катер стучит: тук-тук-тук... От одной потонувшей скалы к другой несутся непривычные для этих мест звуки. Притихли боги за скалами, ждут: что же мы скажем? А у нас нет слов. Мы стоим на палубе и молчим. Только сердце с мотором вместе: тук-тук... Как же хороша ты, земля!..

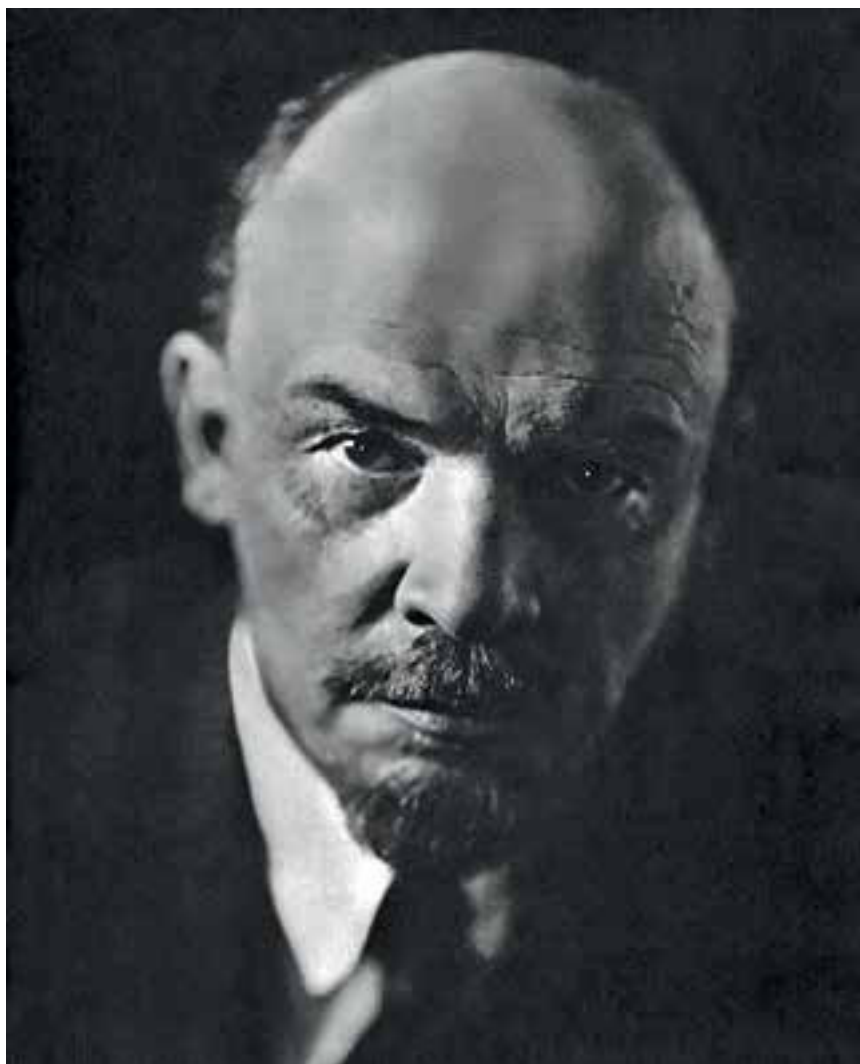
Залив Ха Лонг так красив, что не с чем сравнить его. Часа три мы плыли по синей воде. Казалось, нет в мире ничего, кроме тишины, кроме несчетных утонувших наполовину скал и голубого тумана. И вдруг парус. Красный, похожий на крылья бабочки, совсем ненужный в безветрии парус. Вблизи он не так уж красив – грубая в заплатках ткань, крашенная кореньями, может, десять, а может, и пятьдесят лет назад.

Узнав, что мы из России, рыбак заулыбался, зашевелил веслами. Две лодки сошлись бортами, и мы очутились в гостях у радушной семьи.

Дынь Нги ловит рыбу, ловит креветок и крабов, ловит все, что годится в пищу, все, что можно продать на прибрежном базаре.

Дынь Нги воевал, жил в джунглях, но прогнали французов – рыбак вернулся в родной залив, на эту вот лодку.

На этой лодке родился Дынь Нги. На этой лодке умер его отец. На эту лодку привел он жену. На лодке и стол, и постель. Вся жизнь вьетнамского рыбака на лодке под красным, съеденным соленой водой парусом.

Мы долго говорили... О домике на воде, о трудностях рыбацкой жизни стоит рассказать особо. Но я не могу не сказать о том, что более всего взволновало в это хорошее утро на самом краю земли.

Перед прощанием я спросил рыбака: велика ли семья у него? Сколько людей на лодке?

– Четверо, – сказал Дынь Нги. – Жена, я, маленький Тын...

Нет, я и сейчас не могу без волнения вспомнить конец этой фразы... Рыбак отдернул циновку, кивнул в глубь навеса:

– ...И ОН четвертый...

В углу на бамбуковой стенке, в старой коричневой рамке висел портрет.

– Ленин?!

– Ленинь! Ленинь! – радостно закивал Дынь Нги...

Долго еще стояли лодки, сцепившись бортами. Мы снова сели на циновку, пили чай и говорили. О Москве, о новой жизни Вьетнама, о рыбацком кооперативе, о старом парусе, который пора менять, о ценах на рыбу, о многом другом. Сердечный был разговор. И мы понимали, отчего так близки и понятны стали друг другу. ОН был с нами. ОН участвовал в разговоре...

Всходило солнце. Еще больше синела вода. Я попросил Дынь Нги сфотографировать лодку. Он опустил парус, сказал, что в тихую погоду надо без паруса...

И вот на память остался снимок... Вот скалы, вот лодка, на которой живут Дынь Нги, его жена, маленький Тын и Ленин...

Самый большой подарок

В редакции есть музей. По давней традиции из дальних командировок привозят корреспонденты подарки газете. В музее есть камень из Антарктиды, шахтерская лампочка, морские звезды, герб канадского университета, портреты героев... Со всей земли сувениры.

На прошлой неделе на полку под стекло мы положили тропический шлем, альбом с расписной лаковой крышкой, скульптуру льва из угля. Есть и еще из Вьетнама подарок. Он очень дорог, потому что у подарка есть маленькая история.

...В провинции Винь-Фук мы были два дня. Если бы принимать все приглашения в гости, делегация пробыла бы в провинции два года. Искренне любят вьетнамцы советских людей. За все любят. За наш Октябрь, за то, что мы выстояли против врагов, за нашу бескорыстную помощь. Искреннее чувство вьетнамцев к «ленсо» (к советским) трудно передать словами. Надо видеть детей и взрослых и стариков, когда они останавливаются, улыбаются, дружески протягивают руку, снимают с куртки значок, чтобы приколоть на вашу рубашку...

Мы собрались уезжать из провинции, уже сели в машину, когда увидели шестерых ребятишек.

— К вам... — сказал переводчик.

— А мы сами можем сказать... — сказал вдруг старший. — Мы учим русский...

Все вместе мы сели на траву под пальмой. На сколько вопросов надо было ответить! Сколько выслушать и рассказать! Дошло дело до неизбежных во Вьетнаме подарков. На этот раз подарки были особые. Во-первых — песня. У нас почему-то редко поют сейчас эту хорошую песню.

**Если на празднике с нами встречаются
Несколько старых друзей,
Все, что нам дорого, припоминается,
Песня звучит веселей...**

Вот лодка, где живет Дынь Нги.

Ребятишки сказали, что вся их школа разучивала песню в подарок нам. Но что делать, если гости торопятся... Они вшестером за двадцать километров пришли, чтобы спеть эту песню...

Милые черноволосые ребятишки! Как хорошо, как старательно, как ладно и мелодично они пели. Пели на русском и на вьетнамском.

На прощание все шестеро сняли красные галстуки и повязали нам, а самый скромный и чуть застенчивый Нгуен Винь протянул бумажный пакет:

– Я мало, мало рисуй... Это Ленин. Мы подарить его вам потому, что много-много любим Ленин...

Маленький Винь очень волновался. От друзей его мы узнали, что портрет рисовал он нынешней ночью, что очень спешил, потому что боялся – уедем...

Вот и вся история подарка. История одного из самых дорогих экспонатов в нашем музее.

Мы решили напечатать портрет в газете – Ильич ведь очень похожим вышел. А если кто-нибудь найдет недостатки в рисунке, пусть вспомнит, что портрет рисовал мальчик, рисовал очень спешно, ночью, при керосиновой лампе...

Ханой – Москва. 19 апреля 1960 г.

Вот какой у Леньки сосед...

Ленька любит играть в пинг-понг, собирает марки, построил линкор в заводском клубе. Учится Ленька на три и четыре и мечтает стать моряком. Все это я узнал от самого Леньки, когда мы сидели во дворе и катали липкие шарики из свежих тополевых листьев.

– Так вы к дяде Ване? – сгорая от любопытства, Ленька просил подержать фотоаппарат и уже два раза бегал на третий этаж узнать, не пришел ли дядя Ваня...

Мы говорили об интересных людях. Ленька сказал, что «страшно любит читать про интересных людей».

– А дядя Ваня интересный?

– Обыкновенный...

Уже много лет Ленька Лысенко видит, как дядя Ваня возвращается с работы. Двери их квартир рядом. Ленька знает, какие у дяди Вани шершавые руки – он часто гладит Леньку по голове. У Леньки нет отца...

– Вы что ж, хотите написать про дядю Ваню? – Ленька с еще большим любопытством разглядывает мой блокнот: – Что можно написать про дядю Ваню?!

Да, дядя Ваня – обыкновенный человек. Он вместе со всеми играет в домино во дворе, вместе со всеми идет на работу. Он не любит рассказывать. Но если разговориться, если попросить дядю Ваню, он расскажет...

Дядя Ваня строил метро, станцию «Маяковская». Помнишь красивые стальные полосы? Сначала дядя Ваня был проходчиком, потом устанавливал эти полосы. Потом новую станцию начал строить – «Новокузнецкую». И, может быть, еще бы десять станций построил, но 22 июня... Ты, Ленька, счастливый человек, ты не знаешь этого дня. Тебе, пожалуй, и не надо пока рассказывать всего, что было...

Дядя Ваня ушел из дому в первый день войны и вернулся после победы. Он шутник, дядя Ваня. Он говорит, что не мог не вернуться, что надо было метро достраивать. А сколько не вернулось...

Дядю Ваню и в полку шутником звали, потому что с первого дня он вел счет сапогам. Он сказал, что обязательно дойдет до Берлина, и на трудной дороге, чтобы ободрить друзей, он в шутку считал, сколько раз сменил сапоги. Говорит, что тридцать две пары сносил за войну. Начал дорогу под Витебском, шел назад до Москвы, а потом пошел вперед и вперед: Смоленск, Минск, потом пошли польские города, потом немецкие, потом – Берлин.

Дядя Ваня шел самым первым. Он был разведчиком в кавалерийском корпусе. Он выбирал самые темные ночи и переходил линию фронта. Есть у него солдатский орден – белая звезда, и на ней надпись: СЛАВА. Старый генерал поцеловал солдата Ивана Почепина, когда вручал орден, – очень доволен был генерал «языком», которого привели разведчики из немецкого тыла. А друг дяди Вани, Алеша Комаров, не дождался награды. Он не дошел до Берлина. Его схоронили возле немецкой деревни...

В этот день ровно пятнадцать лет назад Берлин дымился от недавних боев, а в Москве сверкали огни салюта. Этот день все люди будут помнить и будут праздновать очень долго. В этот день кончилась война. В этот день дядя Ваня встретился на празднике с американскими солдатами. В знак дружбы солдат Иван Почепин подарил солдату Генри Джексону свою кавалерийскую кубанку. Солдаты обнялись, похлопали друг друга по плечу. Солдаты не могли говорить, потому что не знали языка друг друга, но несколько слов все-таки нашлось.

– Иван! Хорошо, Иван!.. – сказал Генри.

– Хорошо без войны... – сказал Иван Почепин.

* * *

Вчера дядя Ваня надевал праздничный пиджак. Среди медалей ты видел одну, совсем новую. Это медаль за труд. С вашего двора, Ленька, хорошо видны большие трубы. Это завод «Серп и молот». Там делают сталь. Туда идет старое железо, которое ты собираешь со своим пионерским отрядом, там плавилась разбитые танки и пушки. На этот завод после войны пришел работать дядя Ваня.

Даже взрослые останавливаются и не могут уйти, глядят, как он работает. Красная, как солнце на закате, стальная полоса извивается возле ног вальцовщика. Он, как укротитель, щипцами умирят горячую змею. Отбежит на минутку, глотнет воды – и опять за щипцы...

Сталь покоряется человеку. Из розовой она становится синей. Контролер выбивает на ней какие-то цифры. По ним специалисты, если надо, могут сказать, кто варил сталь и кто прокатывал и какая марка у стали.

Летит самолет – в нем дяди Ванина сталь. Пароход, новый мост, трактор, станок, учебные перья – все это сталь, которую делал дядя Ваня. Сколько ее ушло с завода с тех пор, как сняли люди военные гимнастерки...

Три с лишним года шел до Берлина дядя Ваня. Пятнадцать лет он прокатывает мирную сталь. Все это для того, чтобы ты, Ленька, мог спокойно учиться и собирать марки, чтобы зеленели тополя на вашем дворе, чтобы мог ты мечтать о больших плаваниях...

Вот он какой, дядя Ваня, – обыкновенный человек из вашего дома.

10 мая 1960 г.

Лесная сказка

Осень продолжает чеканку новой монеты.

Все лето шумел в лесу праздник. Много было веселья, много песен спето. Пришло время расплатиться за праздник. Каждый хочет показать свою щедрость. Земли уже не видно от золота, а оно все летит и летит. У рябины нет золотых денег, зато кораллы... Повесила красавица ожерелье – всему лесу на диво.

Только прижимистый дуб жадничает. Держит листья на ветках. До сердитых морозов будет держать, а то и до зимы.

Собраны грибы. Их было много в этом году. Всем хватило: и людям, и маленьким лесным зверькам, и улиткам, и мошкаре. А мимо этого гриба все прошли: и люди, и зверьки, и козявки – поганый гриб. Растет он под яблоней. На самом виду растет. Тянулся кверху гриб, все ждал: придет кто-нибудь. Нет, все прошли мимо.

Сыпались сверху спелые яблоки. Дробно стукали по крышке столика. Два яблока не упали на землю, а остались лежать на крышке. Шел по лесу фотограф, увидел гриб с яблоками: «Вот чудо!» А рядом с яблоней хозяйничал дрозд на рябине, ронял на землю коралловые бусы. Взял фотограф три красные бусинки, положил рядом с яблоками...

Стоит на лесной поляне гриб-столлик. Ждет гостей. Если хотите поглядеть – поезжайте! Пройти к столику очень просто. Вот лесной адрес: Усманский бор, рябиновая поляна возле старой вырубki, дикая яблоня. Под нею и стоит гриб. Только торопитесь, потому что не век же стоять грибу, устанет тонкая ножка. Или кабаны нагрянут. Кабаны неразборчивы. Вместе с яблоками съедят и гриб. Ничто не пропадает в лесу...

Фото автора. 13 мая 1960 г.

Вьетнам – страна молодости

– Ну, как там? – это был первый вопрос друзей, когда мы вышли из самолета в Москве. Как там, во Вьетнаме? Ну, первые впечатления...

Первые впечатления... Первое впечатление такое, что Вьетнам не так уж далеко. Сутки полета. Но и далеко, конечно. Ведь через сутки мы сидели под пальмами в белых рубашках и пили воду со льдом, чтобы прийти в себя от жары.

Сейчас, после поездки, не покидает чувство, что побывал в доме очень большого друга. Пока небогато живет он, потому что небогатый дом достался ему в наследство. Идет перестройка. У хозяина выше локтя закатаны рукава, у хозяина забрызгана известкой рабочая блуза – сейчас не до нарядов. Хозяин сыт и здоров. Пища в будни у него простая, но ее вдоволь.

Наш друг рано просыпается, чтобы начать работу, и рано ложится, чтобы проснуться со свежими силами. Он жизнерадостен и весел. Он жадно расспрашивает: «Как там у вас?» На вопрос: «Трудно?» – он скажет: «Вам было труднее. Вы были одни. А сейчас видите – вы у нас в гостях, мы к вам ездим учиться...» – крепко пожмет руку.

Двадцать дней пробыли мы во Вьетнаме, и двадцать дней нас не покидало чувство, что по какому-то волшебству мы перенеслись в наши тридцатые годы. Рождается новый человек с новой моралью и новым пониманием жизни. Страна работает, страна учится, страна строит социализм. И тот же молодой задор, тот же ветер романтики, то же юношеское отречение от жизненных удобств...

Говорят, в капле воды можно увидеть мир. Если так – поглядите в лицо этому парню. Хау восемнадцать лет. Он и пять тысяч его друзей строят водохранилище в провинции Винь-Фук. Шесть тракторов и пять тысяч лопат и кирок на этой стройке.

– Трудно? – спросил я Хау, когда он разогнулся и поставил рядом с собой кувалду. Он ответил не сразу. Улыбнулся, вытер пот рукавом.

– Понимаете, – сказал Хау, – мой отец работал на французской плантации. Ему было трудно. А сейчас... Вон поглядите – плотина. Скоро вода пойдет на поле моей деревни... Разве будешь жалеть силы?..

Пятнадцать миллионов вьетнамцев строят новую жизнь. Восемнадцатилетний Хау – это капля в большом человеческом море.

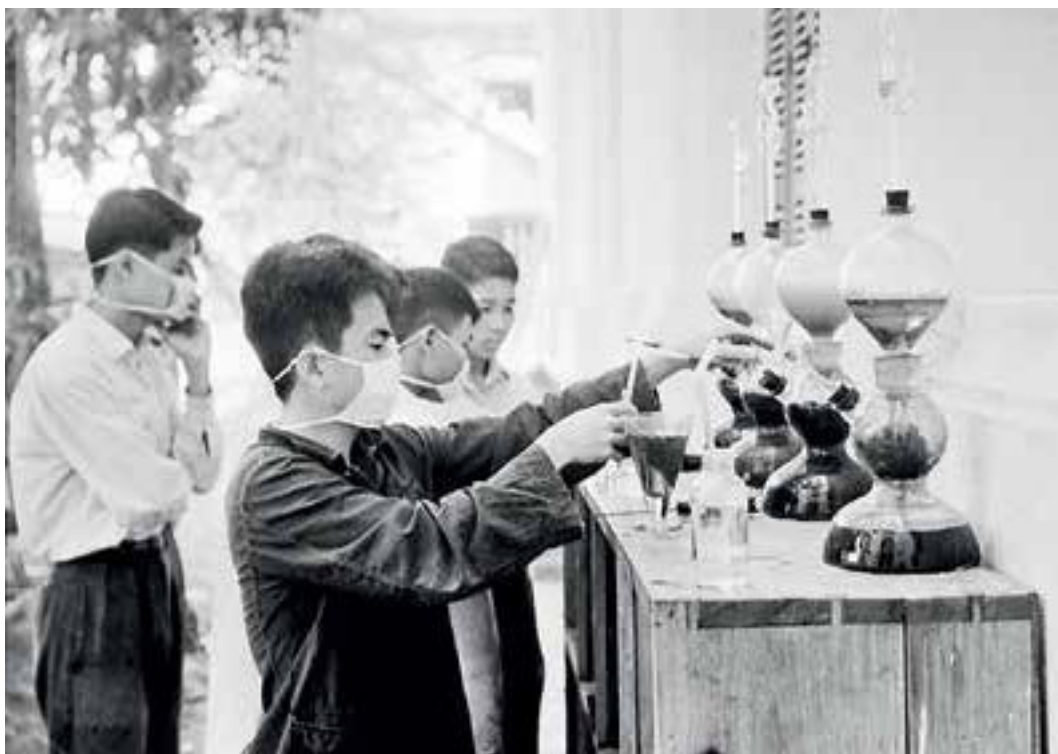
* * *

Мы были у Хо Ши Мина. Пили чай и просто разговаривали...

У вьетнамского народа много героев. О них сложены песни, о них пишут стихи. Писать стихи во Вьетнаме издавна считалось такой же доблестью, как и носить оружие. Президент Хо Ши Мин тоже пишет стихи. Но сколько стихов сложил народ о нем самом!

Через три дня этому человеку исполнится семьдесят лет. Вся жизнь его отдана народу. Ради народного счастья он сидел в тюрьмах, вместе с народом жил президент в джунглях во время смертельной схватки с врагами. Хо Ши Мин – национальный герой Вьетнама. Его искренне любят, у него учатся жить.

«Пусть еще семьдесят лет живет дядюшка Хо», – прочла нам свои стихи ханойская школьница. В этих простых строчках – искреннее чувство всего Вьетнама.

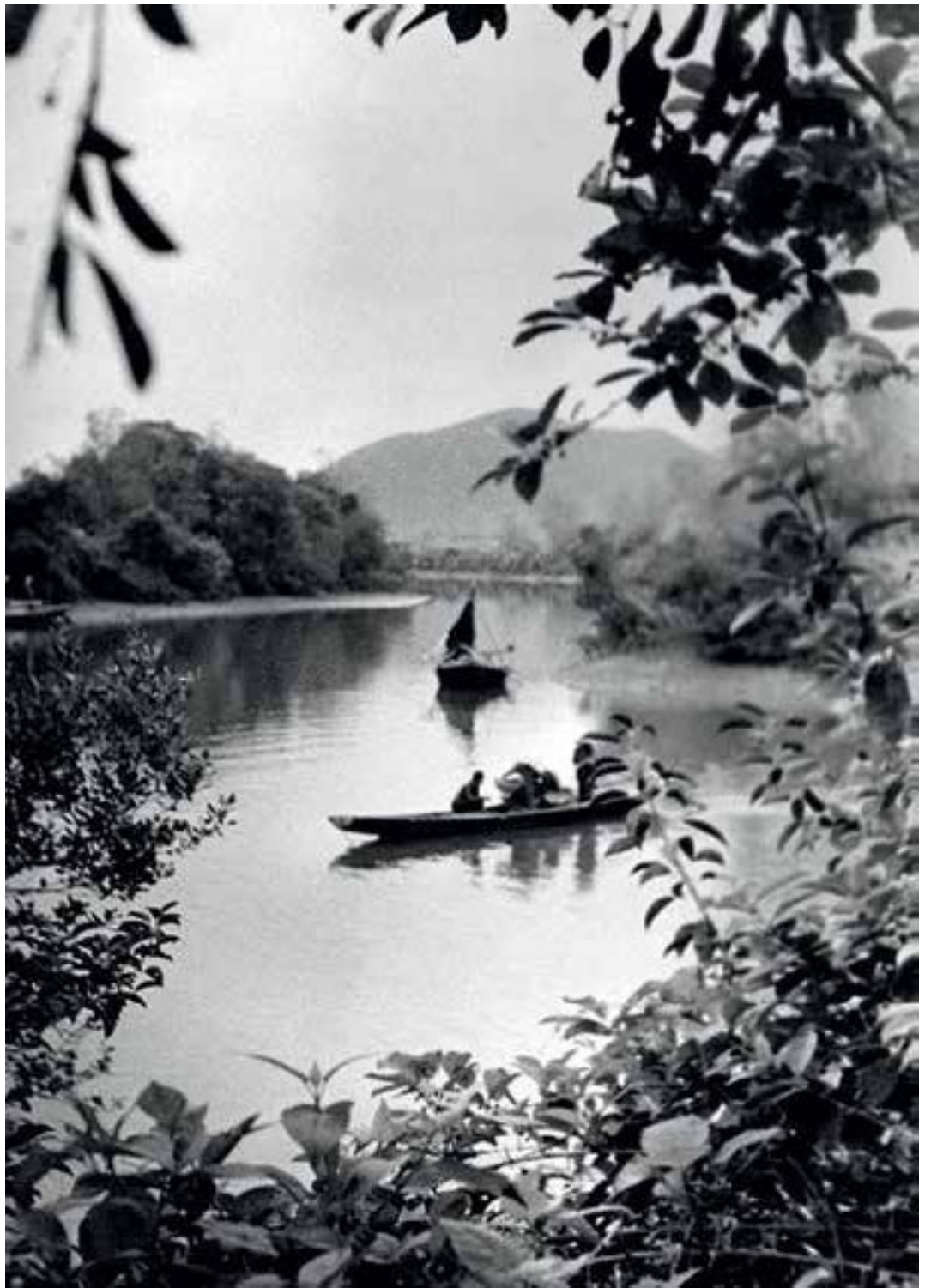
* * *

Два мимолетных снимка. Один сделан на сельской окраине, другой в Ханойском университете. Вьетнам учится! Это, пожалуй, самое сильное и самое глубокое впечатление от Вьетнама.

Четко работают вузы и техникумы, школы и училища. Их много сейчас в стране. Но два раза в неделю по вечерам весь Вьетнам садится за парты. Сын садится рядом с отцом, задачи по алгебре вместе решают ремесленник и министерский работник. На механическом заводе в Ханое я долго стоял у асфальта, белого от иксов и игреков – в перерыв двое рабочих делали какой-то сложный расчет...

Вьетнам учится. На стройке Вьет-Чи я встретил монтажника-виртуоза. Два года назад Нгуен Чун мастерски плел циновки. Сейчас на мощной электростанции Чун легко разбирается в сложных сплетениях труб, кабелей и проводов. Свобода и национальный долг пробудили огромную тягу к учению. Жизнь бурно идет вперед, она требует все новых и новых знаний, новых и новых специалистов. Сейчас очень остра потребность в ученых, преподавателях, инженерах. И Вьетнам учится.

В дни, когда мы гостили в стране, подводились итоги народной переписи. «В нашем районе ликвидирована неграмотность», – радостно сообщили нам друзья. Можно понять эту радость, ведь не так уж давно грамотным людям в стране ставились памятники...

* * *

Да, и, конечно, природа! Природа Вьетнама оставляет глубокое и сильное чувство. Поглядите на снимок – только один уголок страны. Снято прямо с дороги. Больше часа стоял я у зарослей, глядел, как бросают в лодку зеленых крабов, как шуршат над водою стрекозы и бабочки. А вон на той лодке под парусом кто-то пел очень тихо и нежно. «О чем песня?» –

спросил я переводчика. «Вон о той синей горе и девушке стройной, как бамбук. Она работает там у горы на переправе...»

Долго будут сниться, будут маячить в глазах стаи белых цапель над рисовым полем. Порой казалось, весь Вьетнам состоит из зеленых равнин и белых птиц над полями. Но едешь дальше – горы, седые и древние. Из чего только тянет соки буйная зелень в горах? Сплошные серые камни...

Хрустят под шинами сказочно большие красные цветы. Местами вся дорога красная от этих цветов. С огромных деревьев падают под ноги эти весенние подарки путникам...

Рев океана и смирная голубая вода залива. Красные паруса рыбаков и сиреневые скалы. Если глянуть в бинокль, увидишь стайку обезьян на этих скалах... А джунгли! Душная и липкая жара, кружение головы от запахов, цепкие лапы лиан и бамбуков, высокие шапки железного дерева...

Много совсем нетронутого в природе Вьетнама. Человек-хозяин только-только протянул руку к богатству. Но уже зеленеют по склонам в горах плантации чая, кофе, ананасов; лаковое дерево зеленеет на склонах. А ниже – бананы, апельсиновые рощи...

Много еще надо сказать и о природе, и о людях. Но сегодня – только первые впечатления.

Фото автора. Ханой – Москва. 15 мая 1960 г.

Севастопольский вальс

«...Расскажите о Севастополе. Я полюбила этот город. Была всего два дня, но вижу его во сне. Каждая улица в нем – песня. Должно быть, и люди там очень хорошие...»

Из письма в «Комсомольскую правду» читательницы Л. Коломейцевой (Рига).

* * *

На краю города мы набрали пригоршни осколков и букеты огненных маков. Ржавое железо уходит в землю, зарастает травой. Тут, среди обветренных камней, стояли насмерть люди в тельняшках. Тут пятеро, обвязавшись гранатами, бросились под танки. Может, поэтому так много огненных маков возле камней...

Бесчисленные памятники, усыпальница адмиралов, четвертый бастион со скромным барельефом Толстого у вала, Панорама и вечный огонь на Малаховом кургане. Это история Севастополя.

Три подвига на счету города. Два хорошо известны, воспеты в песнях и книгах. О третьем узнаешь, когда встречаешься с нынешним городом.

Спросите матроса, выдавшего Севастополь в сорок четвертом. Он скажет, как стоял с непокрытой головой и молчал. Не было Севастополя. Были только битый камень и дым. Сейчас нет-нет да и заглянет сюда какой-нибудь ветеран морской пехоты, шагавший до Берлина. И опять снимет шапку матрос: «Не зря стояли...»

Белый город бежит по холмам к морю. Совсем новый город! Поклонники Куприна, Грина и Паустовского, возможно, взгрустнут по романтике узких изломанных улиц. Ей-богу, не стоит грустить! Льется по холмам музыка лестниц, ровные проспекты, большие бульвары и чистые берега у нового города. А чайки, белые паруса, запах моря и шорох гальки – все те же, что и у Грина. Глядишь на город и не удержишься, переспросишь:

– Неужели за пять лет?..

– Да, за пять, – скажет старый экскурсовод с ленточками ранений на куртке и станет рассказывать о парнях, о простых ребятах. И вы узнаете о третьем подвиге Севастополя...

А сегодня... Сегодня Севастополь в разведке. Нет, это не та разведка, что черной тенью плыла над Свердловском. У въезда в город висят плакаты. «Добро пожаловать!» и еще: «Севастопольцы борются за город высокопроизводительного труда, образцового порядка и культуры».

...Необыкновенная чистота, много цветов, и куда ни пойдешь – море. Вот впечатления первого дня. Вечером я заговорил с прохожим. Севастопольцы очень гостеприимны и вежливы. Прошлым летом на каждого горожанина пришлось восемь приезжих. Никто не пожаловался. Не появилось формулы: «Вас много – я один». Пустят переночевать, скажут, где поставить машину, проведут, расскажут...

«Чисто? – довольно улыбнулся мой первый знакомый. – За месяц навели порядок... Цветы? Идите-ка сюда...» Присаживаемся возле грядки ирисов... Целые горы земли пришлось свезти в город, чтобы камни покрылись цветами, чтобы тысячи каштанов, тополей, кусты багряника, акации и роз зазеленели этой весной. У каждого севастопольца есть от этой работы мозоли. И чистота – это тоже общий успех. «Море?.. Ну, море Севастополю богом дано», – скажет рядовой встречный, а архитектор улыбнется: «Так строим город, чтобы был распахнут навстречу морю».

Пожив дня три, вы узнаете, что нет в Севастополе захламленных дворов – цветы, скамейки, свежая зелень, даже скворечники. Не осуждайте «частника», если увидите где-нибудь на каштане бирку с фамилией. Это традиция – сажать на память и ухаживать «персонально».

– Что ж, никто и не ломает? – спросил мой московский сосед-дворник, услышав о Севастополе. Пришлось рассказать о «дворовых нянях» – дежурных домохозяйках, которым матери сдают под присмотр ребятишек. О самих ребятишках тоже стоит сказать.

– Дяденька, а переход вон там, – остановил меня один блюститель порядка с красным галстуком.

Пришлось извиниться.

– А что у тебя за повязка?

– Я пионерский патруль, а с синей повязкой – «зеленый патруль»...

Есть в городе санитарные дружины, общество по охране памятников, народные дружины. Вот почему в Севастополе не видно милиции и много цветов. Вот почему город покрывает приезжего.

Есть в Севастополе всеми любимое место – Приморский бульвар. Сюда на закате солнца ходят старики и влюбленные. Тут памятник затопленным кораблям, паруса яхт на воде и древние якоря у камней. Мигают огни кораблей, шуршат волны, а на светлой эстраде скрипки поют «Севастопольский вальс». Под этот вальс по вечерам кружатся пары в Свердловске, Тамбове, Верхоянске... Но родился вальс вот тут, на берегу, под шорох моря. Да разве одна только песня у Севастополя! «Должно быть, и люди там очень хорошие!» – пишет из Риги одна наша читательница. Эта мысль приходит всякому, кто хоть день побывал в Севастополе.

* * *

Сразу оговоримся. Есть еще на старых воротах таблички «Во дворе злая собака». В магазинах продают еще воспетые «Крокодилом» украшения из папье-маше и ракушек, в ресторане еще услышишь слезливый романс. Но это как раз то, с чем прощается Севастополь. Зато сколько новых ростков!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.